

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

1/2015

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

к. ю. н., доц. **О. Г. Алексеева**; к. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора); д. ю. н., проф. **В. С. Бельх**; д. ю. н., проф. **Д. В. Винницкий**; к. ю. н. **О. Г. Геймур**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; к. ю. н., доц. **М. В. Гончаров**; д. ю. н., проф. **Л. Я. Драпкин**; к. ю. н., доц. **Д. В. Жернаков**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко**; к. ю. н., доц. **Ю. В. Козубенко**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **А. Н. Кокотов**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; д. ю. н., проф. **В. В. Круглов**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; к. ю. н., доц. **С. Д. Милицин**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Невинский**; к. ю. н., доц. **Д. В. Осинцев**; д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; к. ю. н., доц. **О. Н. Родионова**; к. ю. н., проф. **Р. К. Русинов**; д. ю. н., проф. **П. И. Савицкий**; д. ю. н., проф. **Ю. Н. Старилов**; д. ю. н., проф. **И. А. Тарханов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; проф. **Хуан Даосю** (Китай); проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief — **I. V. Fedorov** (candidate of law, associate professor)

O. G. Alekseeva (candidate of law, associate professor); **Yu. S. Bezborodov** (candidate of law, associate professor); **V. S. Belyh** (doctor of law, professor); **D. V. Vinnitskiy** (doctor of law, professor); **O. G. Geymur** (candidate of law, associate professor); **S. Yu. Golovina** (doctor of law, professor); **M. V. Goncharov** (candidate of law, associate professor); **L. Ya. Drapkin** (doctor of law, professor); **D. V. Zhernakov** (candidate of law, associate professor); **S. K. Zagaynova** (doctor of law, professor); **S. V. Kodan** (doctor of law, professor); **I. Ya. Kozachenko** (doctor of law, professor); **Yu. V. Kozubenko** (candidate of law, associate professor); **Ja. Koistinen** (candidate of law) (Finland); **A. N. Kokotov** (doctor of law, professor); **T. V. Kondrashova** (candidate of law, professor); **V. V. Kruglov** (doctor of law, professor); **T. E. Loginova** (candidate of law, associate professor); **I. P. Malinova** (doctor of philosophy, professor); **S. D. Militsin** (candidate of law, associate professor); **V. P. Motrevitch** (doctor of history, professor); **V. V. Nevinskiy** (doctor of law, professor); **D. V. Osintsev** (candidate of law, associate professor); **V. F. Popondopulo** (doctor of law, professor); **O. N. Rodionova** (candidate of law, associate professor); **R. K. Rusinov** (candidate of law, professor); **P. I. Savitskiy** (doctor of law, professor); **Yu. N. Starilov** (doctor of law, professor); **I. A. Tarkhanov** (doctor of law, professor); **V. L. Tolstykh** (doctor of law, associate professor); **A. Trunk** (doctor of law, professor) (Germany); **M. Yu. Fedorova** (doctor of law, professor); **Huang Daoxiu** (professor) (China); **P. Schoukens** (professor) (Belgium)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
редакция «Российского юридического журнала».
Тел./факс (343) 375-54-20. electronic.ruzh.org.
E-mail: ruzh@usla.ru, ruzh93@hotmail.com.
Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Ciulli I. (Rome, Italy)* Le modele polycentrique de division du territoire national et les transformation en droit constitutionnel 5
- Биричева Е. В., Колмакова С. С., Пиксаева К. Ю., Победаш Д. И. (Екатеринбург)* Межличностный уровень формирования международных отношений: молодежные научные сообщества 19
- Круглов В. В., Вараксин В. В. (Екатеринбург)* О государственной экологической политике Российской Федерации 26

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

- Dinov S. (Heidelberg, Germany)* The framework of the European finance and banking regulation 30
- Табаринцева-Романова К. М. (Екатеринбург)* Формирование общего рынка вина ЕС: этапы и динамика 45

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИИ

- Вараксин В. В. (Екатеринбург)* Вопросы охраны окружающей среды и рационального природопользования в промышленных регионах Российской Федерации 49

МУЗЕЙ ИСТОРИИ СЮИ – УРГЮА – УРГЮУ

- Кавковская И. Г. (Екатеринбург)* Коллекция трудов профессора Б. Б. Черепихина в фондах Научной библиотеки Уральского государственного юридического университета 53

CONTENTS

PUBLIC ISSUES AND POLITICAL SCIENCE

- Chiolli I. (Rome, Italy)* Polycentric model of the state territory framework and the modifications of the constitutional law 5
- Biricheva E., Kolmakova S., Piksaeva K., Pobedash D. (Yekaterinburg)* The interpersonal level of constructing international relations: youth scientific communities 19
- Kruglov V. V., Varaksin V. V. (Yekaterinburg)* On the state environmental policy of the Russian Federation 26

EUROPEAN LAW

- Dinov S. (Heidelberg, Germany)* The framework of the European finance and banking regulation 30
- Tabarintseva-Romanova K. M. (Yekaterinburg)* Formation of the EU common wine market: milestones and evolution 45

LEGAL ASPECTS OF ECOLOGY

- Varaksin V. V. (Yekaterinburg)* The issues of environmental protection and management in the industrial regions of the Russian Federation 49

MUSEUM OF SLI – USLA – USLU HISTORY

- Kavkovskaya I. G. (Yekaterinburg)* Collection of professor B. B. Cherepahin's works in the funds of the Scientific Library of the Urals State Law University 53

I. Ciolli*

LE MODELE POLYCENTRIQUE DE DIVISION DU TERRITOIRE NATIONAL ET LES TRANSFORMATION EN DROIT CONSTITUTIONNEL**

Dans la première partie de cet article, j'essaierai de démontrer que les liens entre le droit constitutionnel et le territoire ont été modifiés et influencés par des décisions prises désormais ailleurs qu'au sein de l'État, car l'influence d'un modèle d'économie globale et d'un modèle d'organisation territoriale élaboré par l'Union européenne sur le droit constitutionnel est très forte.

La deuxième partie donnera un aperçu des collectivités et des autres institutions territoriales qui ont échappé d'une certaine manière aux règles de droit public et qui représentent pour l'essentiel un mélange de droit public et de droit privé.

Dans la conclusion, on prendra en considération les conséquences de ces profonds changements dans l'aménagement de ces territoires qui modifient les grandes catégories du droit constitutionnel, parce qu'ils bouleversent la manière d'interpréter la souveraineté, la représentation, l'intérêt public.

On a évoqué la souveraineté parce que on est convaincu que la souveraineté exclusive sur un territoire est désormais affaiblie: il existent, de plus en plus des territoires appartenant à plusieurs souverainetés. Les Régions transfrontalières en sont une démonstration.

La représentation, par ailleurs, perd progressivement sa configuration politique pour se transformer en une représentation des intérêts économiques les plus forts. Cela signifie qu'il n'y a plus de filtres suffisamment forts qui puisse sélectionner les intérêts publiques; ce que les districts industriels démontrent.

Mots clés: la souveraineté des Etats, modèle polycentrique du territoire de l'Etat, droit public et droit privé des entités territoriales, la globalisation

Приводятся доказательства того, что теперь на конституционно-правовое регулирование национальной территории влияют решения, принимаемые за пределами отдельного государства. Последнее связывается с воздействием глобальной экономики и новой модели территориальной организации, разработанной в рамках Европейского союза.

Автор исследует статус административно-территориальных единиц нового частного-публичного типа. В результате ученый приходит к выводу, что столь значительные перемены в территориальной организации европейских государств меняют представления о таких основополагающих категориях конституционного права, как суверенитет, территориальное представительство, публичный интерес.

Суверенитет государства над национальной территорией трансформируется: все чаще встречаются территориальные единицы, подчиненные нескольким суверенитетам, например трансграничные регионы. Территориальное представительство постепенно утрачивает качества исключительно политического института, все больше ориентируясь на местные экономические интересы. К тому же сейчас невозможно публичные интересы отделить от интересов иного порядка. Доказательством тому являются современные промышленные районы.

Ключевые слова: государственный суверенитет, полицентричная модель территории государства, частно-публичные территориальные образования, глобализация

The author proves that nowadays the constitutional legal framework of the national territory is influenced by the decisions taken beyond a state. This is because of the last trends of

* Chiolli Ines – researcher of constitutional law at the Faculty of Law at the Sapienza University of Rome (Università degli studi di Roma «La Sapienza») (Rome). E-mail: ines.ciolli@uniroma1.it.

** L'article a été présenté au VIII Colloques de l'Association française de Droit constitutionnel dans l'atelier «Champ de mutation de droit constitutionnel et aspects territoriaux».

global economy and the new model of the territorial organization elaborated under the auspices of the European Union.

The author researches also the status of the administrative entities of the new «public and private law» type. So the researcher comes to conclusion that such significant modifications of the territorial organization of the European countries predetermine the notion of the main categories of constitutional law – sovereignty, territorial representation, public interest.

The sovereignty of state over its territory undergoes some transformations: more and more territorial entities are subject to a few sovereignties at the same time (like transboundary regions). The territorial representation loses its political institute features and becomes more directed towards local economic interests. Anyway now it's impossible to separate the public interests from the other concerns what is demonstrated by the scheme of industrial regions.

Key words: state sovereignty, polycentric model of state territory, «public and private law» territorial entities, globalization.

PART I. Les mutations des territoires et le droit constitutionnel

La mutation en droit constitutionnel au sujet du territoire: la cohabitation avec l'économie globale et le droit communautaire

Une partie de la doctrine en droit international et en droit constitutionnel pense que le territoire national est désormais destiné à se fondre dans un espace juridique global¹.

On considère que le problème des États est, en effet, qu'ils n'ont pas une structure institutionnelle et territoriale adaptée à l'intégration économique mondiale². La fin des États nation coïnciderait donc avec la fin des territoires des Nations³.

Cette thèse, qui a eu le mérite d'expliquer maintes transformations politiques nationales et supranationales, ne tient pas compte de la complexité des événements les plus récents occasionnés par l'accélération de la mondialisation. Cette dernière réclame un enracinement sur le territoire dans lequel elle opère pour mieux gérer au niveau local les grandes décisions transnationales: l'économie globale et les institutions transnationales ont besoin du niveau local ainsi que d'institutions flexibles pour maintenir leur hégémonie⁴: d'une part il y a une expansion des marchés globaux, de l'autre côté on remarque une concentration des activités économiques et financières dans certaines grandes villes, qui représentent désormais des institutions totalement disjointes des États nationaux auquel elles appartiennent⁵. Les deux phénomènes ne se contredisent pas, parce que le franchissement des frontières nationales est nécessaire pour garantir la libre circulation des capitaux et demande une régulation au niveau local.

La première observation à faire à cet égard est que le territoire, tant national que supranational est toujours nécessaire pour exercer la souveraineté et le binôme souveraineté/territoire est encore en bonne santé⁶.

¹ Cassese S. *Lo spazio giuridico globale*. Roma-Bari, 2003.

² Habermas J. *Die postnationale Konstellation: politische Essays*. Frankfurt am Main, 1998 (édition française: *Après l'Etat-nation. Une nouvelle constellation politique*. P., 1998. P. 33 et s.).

³ Badie B. *La fin des territoires. Essais sur le désordre international et sur l'utilité sociale du respect*. P., 1995.

⁴ Sassen S. *Cities in a world economy*. Thousand Oaks, 1994.

⁵ Sassen S. *The global city*. New York, London, Tokyo. Princeton, 1991.

⁶ Du même avis J. Hickman (*Hickman J. The new territorial imperative // Comparative Strategy*. 2010. Vol. 29. № 5. P. 405) qui soutient: «The prophesied decline of the sovereign territorial state did not occur. In the 1990s, constructivist international relations specialists joined postmodern political geographers theorizing about globalization in anticipating a brave new effectively borderless world in the which the sovereign territorial state would fade from the scene, supplanted by a variety of non-State entities, including multinational corporations, transnational networks, and separatist movements... Today, (however) the sovereign territorial state is in robust health and control of territory is as valuable as ever. Neither the sovereign state nor its arguably hardwired territorial imperative has been transcended in international affairs».

L'évolution se situe davantage du côté du territoire de l'État: à partir de la Paix de Westphalie jusqu'au XXe siècle. Pendant longtemps, l'État représentait surtout l'espace dans lequel s'exprimait la puissance nationale et il s'identifiait à une frontière qui s'imposait comme une limite infranchissable pour les autres États. Maintenant elles sont beaucoup plus perméables, elles ont pour fonction de délimiter des surfaces plus grandes qui sont celles des organisations économiques ou politiques internationales¹.

La cohabitation de diverses institutions sur le même territoire est une nouveauté qui prend le nom de «*multilevel governance*» et qui est la preuve la plus patente tantôt de la «*glocalisation*»², tantôt de la souveraineté partagée entre plusieurs institutions.

Une telle cohabitation apparaît, en d'autres termes, comme un mélange entre une représentation des espaces économiques transnationaux et des institutions locales. Plus précisément, la «*glocalisation*» est un phénomène qui tend à briser les territoires nationaux et à les reconstruire selon de nouvelles règles qui ne sont pas ni géographique, ni historique³.

Elle met en relation le monde global avec le niveau local et peut être définie comme une nouvelle «*territorialisation*» des espaces institutionnels agissant simultanément à différentes échelles géographiques.

Cette «*glocalisation*» a imprimé une accélération à certains phénomènes de transformation institutionnelle dans le domaine national en donnant une impulsion à la décentralisation, voire au fédéralisme, qui adapte le territoire de l'État aux exigences de l'économie globale⁴.

À partir de là, il faut signaler que la distinction entre fédéralisme et décentralisation est très faible et repose sur des éléments quantitatifs et non qualitatifs. C'est le degré d'autonomie que chacun des deux modèles confère aux collectivités qui fait la différence⁵. Le niveau de contreponds que le pouvoir central peut mettre en place, est aussi important pour qualifier une forme d'État comme étant décentralisée ou comme étant fédérale.

À cet égard, le respect du principe d'unité et d'indivisibilité de la République peut représenter une limite au polycentrisme institutionnel et territorial émergent, la volonté centrale permettant de contrecarrer ces forces centrifuges plus sensibles aux décisions de l'économie globale⁶.

Dans les Constitutions française et italienne sont inscrits les principes d'unité et d'indivisibilité de la République. Cette référence peut constituer un fort contreponds à une forme extrême de division du pouvoir et en particulier à la forme polycentrique qui tente de briser l'unité centrale pour mettre en place une forme de pouvoir non hiérarchique. Il en résulte une compétition entre des collectivités territoriales non soumises à un pouvoir central équivalent à celui de l'État.

L'idée dominante est qu'une plus profonde division du territoire pourrait entraîner davantage de démocratie. Autrement dit, quand les institutions se rapprochent des citoyens,

¹ Rigo E. L'Europa di confine. Trasformazioni della cittadinanza nell'Europa allargata. Roma, 2007.

² Swyngedouw E. Neither global nor local: «*glocalization*» and the politics of scale // Spaces of Globalization / ed. by K. Cox. N. Y., 1997. P. 137 et s.

³ Swyngedouw E. The mammon quest: «*glocalization*», interspatial competition and the monetary order: The construction of new scales // Cities and Regions in the New Europe / ed. by M. Dunford, G. Kafkalas. N. Y., 1992. P. 39 et s.

⁴ Brenner N. Globalization as reterritorialization: the re-scaling of urban governance in Europe // Urban Studies. 1999. Vol. 36. № 3. P. 431 et s.; en ce qui concerne l'Italie, les politiques de transformation du territoire imposées par l'Europe ont créé un système institutionnel proche d'un modèle polycentrique, et éloigné d'une décentralisation traditionnelle, voir Governata F., Salone C. Italy and European Spatial Policies: Polycentrism, Urban Networks and Local Innovation Practices // European Planning Studies. 2005. Vol. 13. № 2. P. 265 et s. Concernant le phénomène des transformations du territoire de l'État, on s'autorisera à renvoyer à Ciolli I. Il territorio rappresentato. Profili costituzionali. Napoli, 2010. P. 11 et s.

⁵ Luciani M. A mò di conclusione: le prospettive del federalismo in Italia // Pace A. (sous la direction de). Quale dei tanti federalismi. Padova, 1997.

⁶ Auby J.-B. at al. Droit des collectivités locales. IVème éd. P., 2008.

il est possible de garantir une meilleure et une plus grande participation à la «*res publica*». Mais déjà dans les années 70, Franz Neumann avait démontré que l'association entre proximité des décisions politiques et démocratie n'est pas toujours vraie¹. Les motivations les plus profondes qui poussent à une division du territoire en plusieurs entités sont probablement d'une autre nature. Elles répondent non pas à un impératif démocratique, mais à une tentative d'améliorer l'allocation des ressources en termes économiques.

Quelle que soit l'explication la plus conforme à la réalité, il est évident que les plus récentes transformations territoriales illustrent les nouveaux liens entre le territoire et le droit, qui vont par-delà la sphère du droit constitutionnel.

Désormais on parle d'un espace global, d'un espace européen et d'une façon encore plus étonnante, on parle des espaces qui n'appartiennent pas entièrement au droit et qui semblent reproduire les conditions historiques de la frontière américaine, dans laquelle le binôme droit/territoire n'existait pas².

Il est vrai qu'il reste une différence remarquable entre le terme «espace» et le terme «territoire». Dans le passé, le premier terme indiquait plutôt la surface n'appartenant pas à la Planète Terre, quelque chose qui n'était ni réglé, ni conditionné par le droit. En quelques sortes, on était proche d'une surface lisse, où les relations juridiques étaient absentes ou très fluides (au sujet des mers par exemple).

Le «territoire» évoque plutôt les institutions, quelque chose qui est déjà délimité et qui est saisi par le droit. Cette confrontation entre les deux termes est de nouveau à l'attention des juristes et des chercheurs grâce à une récente conversation entre un philosophe, Emanuele Severino, et un juriste, Natalino Irti. Ils ont essayé de déchiffrer cette différence se mettant finalement d'accord sur l'idée que «l'espace» représente quelque chose qui est fortement lié à la fluidité des temps modernes et qui s'adapte donc mieux à la technique et au monde de l'économie globale (ou bien de la finance).

Les transformations de la souveraineté qui correspondent au changement du territoire

Les spécialistes en Droit constitutionnel ont parlé souvent de l'affaiblissement de la souveraineté nationale face à la nouvelle répartition de l'Etat et ils ont fait référence à la thèse de la souveraineté partagée entre l'Etat en Régions et les institutions *infra* et supranationales. En tout cas, ils semblent d'accord sur l'existence d'un processus d'évolution ou de transformation de l'Etat et de sa souveraineté³.

Ce processus de séparation intérieure et extérieure du territoire national a été favorisé aussi par les politiques communautaires, qui ont conduit à un affaiblissement du pouvoir de l'Etat central⁴.

En défense d'un découpage territorial, qui tenait compte de l'histoire et des différences géographiques, on a même permis – sous certaines conditions – de justifier quelques modestes exceptions au principe d'égalité du suffrage⁵ et une surreprésentation de certaines collectivités territoriales, ce qui prouve que le territoire est un symbole culturel

¹ Neumann F. L. *The Democratic and the Authoritarian State: Essays in Political and Legal Theory* (trad. it.: *Lo Stato democratico e lo Stato autoritario*). Bologna, 1973.

² Turner F. J. *The Significance of the frontier in American history*. N. Y., 1921. P. 1–38.

³ Comme l'a nommé, par exemple, Faberon J. Y. *La Nouvelle-Calédonie, pays à souveraineté partagée*, *Revue du droit public*. 1998. № 3. P. 645 et s.; mais voit aussi Caravita B. *Il tabù della sovranità e gli «istituti tipici di ordinamenti statuali di tipo federale in radice incompatibili con il grado di autonomia regionale attualmente assicurato dal nostro ordinamento costituzionale»* // *Federalismi.it*. 2007. 21 novembre.

⁴ Permann M. *Construction of New Territorial Scales: A Framework and Case Study of the EUREGIO Cross-border Region* // *Regional Studies*. 2007. Vol. 41. № 2. P. 253 et s. et *Idem*. *Cross-Border Regions in Europe: significance and drivers of regional Cross-border cooperation* // *European urban and regional studies*. 2003. № 10. P. 153 et s.

⁵ Conseil constitutionnel, Déc. n. 85–196 DC, 8 août 1985. Loi sur l'évolution de la Nouvelle-Calédonie, Considérant n.16 et Déc. n. 86–208 DC 1, 2 juillet 1986. Loi relative à l'élection des députés et autorisant le Gouvernement à délimiter par ordonnance les circonscriptions électorales, Considérant n. 21.

et surtout un vecteur d'identité nationale. L'idée de dessiner des frontières qui n'ont rien à voir avec l'histoire est encore choquante pour les citoyens des Pays de l'Europe.

Pour nous européens, le territoire représente encore un facteur d'intégration de la Nation, comme l'avait expliqué Rudolf Smend¹. On ne pense pas au territoire dans un sens matériel, mais à un idée de territoire qui prend en considération la terre et ses habitants, qui représente l'identité et l'histoire d'un enracinement.

Après un tel changement, si profond, tout est à repenser en Droit constitutionnel. Il faut confronter les concepts classiques à ces nouvelles tendances. La naissance de nouveaux territoires reflète l'idée que les systèmes juridiques sont de plus en plus interconnectés. Il en résulte une perte d'influence du droit constitutionnel au profit d'autres disciplines.

L'espace territorial européen

L'évolution de l'espace européen n'a pas été suffisamment prise en considération par les juristes qui ont abandonné ce terrain aux politologues et aux spécialistes de géopolitique. En fait, peu de juristes se sont occupés du Traité de Potsdam de 1999 sur le développement de l'espace communautaire et de la cohésion sociale (SDEC).

Le parcours a été très long. Au cours des vingt dernières années², la nécessité d'élaborer une stratégie de développement du territoire européen est apparue de plus en plus comme un sujet central dans l'agenda politique de l'Union européenne. Une série de réunions entre les Gouvernements des Pays membres a eu lieu, au cours desquelles des zones clé de coopération ont été identifiées en matière d'aménagement du territoire européen. Un premier projet de Schéma de développement de l'espace communautaire a été adopté par les ministres compétents à Noordwijk en juin 1997, puis la version finale a été approuvée à Potsdam en 1999.

La Commission a contribué à ce débat en favorisant l'accord SDEC dont l'objectif était double³: d'abord, susciter le débat autour des thèmes clé; ensuite, examiner les applications directes du SDEC dans les diverses zones de coopérations transnationales⁴.

Dans le document SDEC, le point principal est l'établissement du pluralisme institutionnel et de la différenciation des territoires. Ce dernier point est considéré comme étant

¹ Smend R. *Verfassung und Verfassungsrecht*. München; Leipzig, 1928 (trad. it.: *Costituzione e diritto costituzionale*. Milano, 1988).

² Le débat sur l'aménagement du territoire, dans le cadre communautaire, a débuté à Nantes en 1989. Depuis lors, les réunions régulières des ministres chargés de l'aménagement du territoire dans les Etats membres ont clairement manifesté le besoin de développer une stratégie à long terme permettant une meilleure coordination des diverses activités publiques qui influencent l'organisation et l'utilisation du territoire européen. C'est dans ce contexte que les ministres chargés de l'aménagement du territoire ont pris la décision en novembre 1993, de mettre en chantier un Schéma de Développement de l'Espace Communautaire (SDEC).

³ La Commission dans son rapport du 1998 a constaté deux choses: 1) l'effacement des frontières à l'intérieur du marché unique donne l'occasion de relier les territoires et les économies de tout le Continent, 2) devant les enjeux de la mondialisation de l'économie, chaque partie de l'Union européenne doit reproduire un modèle territorial qui soit un défi pour la mondialisation. L'élargissement progressif de l'Union nécessitait l'adoption d'une démarche stratégique globale pour le développement de ce territoire vaste et divers ainsi que pour l'intégration des nouveaux Etats membres dans les différents réseaux trans-européens – qu'il s'agisse du système urbain européen, des réseaux de transports, d'énergie et de communication ou des espaces naturels d'importance communautaire. En d'autres termes, il faut s'adapter à la «glocalisation»; c'est pourquoi les contraintes budgétaires imposent une utilisation efficace des ressources publiques de plus en plus limitées et les interventions doivent s'adapter aux particularités territoriales.

⁴ Ces applications sont définies dans le cadre de l'Initiative communautaire INTERREG du Fonds européen de développement régional (FEDER) en faveur de la coopération entre régions de l'Union européenne (pour la période 2000–2006 il s'agissait de INTERREG III). L'objectif de la nouvelle phase d'INTERREG est de renforcer la cohésion économique et sociale dans l'Union européenne en promouvant la coopération transfrontalière, transnationale et interrégionale ainsi que le développement équilibré du territoire. Une attention particulière est accordée à l'implication des régions ultrapériphériques et des régions situées aux frontières externes de l'Union avec des pays candidats à l'adhésion.

nécessaire pour propager les structures politiques propres à l'Union qui n'ont rien à voir avec les collectivités des Etats¹.

Cette thèse est étayée par un document ultérieur du juin 2006, issu de la rencontre informelle qui a eu lieu à Luxembourg en 2005 sur les politiques régionales et la cohésion territoriale². Le document considère prioritaire la réalisation d'un modèle polycentrique et le renforcement des grandes villes³.

À travers ce modèle polycentrique, l'Union européenne a contribué à l'affaiblissement de l'Etat, phénomène qui est accentué par les politiques de financement des Régions transfrontalières (ou *cross-border regions*) qui sont en concurrence avec les États centraux dont elles font partie. Le degré d'autonomie administrative et financière à l'égard de l'Etat augmente proportionnellement en fonction de la richesse de ces nouvelles institutions subventionnées par l'Union européenne.

Dans tous les cas, il y a d'autres types d'institutions territoriales en Europe construites dans le but de ne pas coïncider avec les frontières nationales⁴. Les politiques relatives au développement des nouveaux territoires sont confiées à l'Union et non plus aux Etats membres. Dans la meilleure hypothèse on a donc des territoires qui sont en concurrence avec l'espace étatique. Comme l'avait bien souligné Faloudi, on est passé très vite d'un développement géographique de l'Union à une politique territoriale qui, pour le moment, se limite à la compétence partagée entre l'Union et les Pays membre en faveur de la cohésion territoriale⁵. Cette compétence a été reconnue par le Traité de Lisbonne à l'art. 4⁶.

Déjà le document SDEC en 1999 parlait de cohésion économique et sociale, plus tard on se réfère dans le document du 2005 (peu avant le Traité de Lisbonne) aux priorités en matière de territoire en indiquant le polycentrisme et la promotion d'activités d'initiative et de promotion (économique) dans des «*clusters*» territoriaux outre que le renforcement de «*networks trans-europeans*». Il est évident que le mot-clé est celui de démarrer une politique qui soit adhérente à une économie globale et c'est beaucoup plus raisonnable de

¹ L'intention de créer de nouvelles institutions a été clarifiée par le point 2 du document SDEC. Quand ce dernier parle du territoire politique, il dit: «l'entrée en vigueur de l'Union Economique et Monétaire (UEM) contribue considérablement à l'intégration européenne. Parallèlement aux progrès de l'intégration économique et sociale, les séparations causées par les frontières intérieures tendent à s'estomper. Des relations et des interdépendances plus étroites apparaissent entre les villes et les régions des Etats membres. Cela signifie, entre autres, que des projets réalisés au niveau régional, national ou communautaire dans un certain pays, et dont la portée dépasse celle du territoire où s'exerce son autorité, peuvent avoir des répercussions considérables sur la structure spatiale et urbaine d'autres États membres. En mettant en œuvre les politiques communautaires, il s'agira dorénavant de mieux prendre en compte à temps leurs effets spatiaux, étant donné qu'à l'avenir les différences de productivité ne pourront plus être compensées, par exemple par des adaptations nationales des taux de change. Cela contribuera à éviter de creuser davantage les disparités régionales».

² The Territorial State and Perspectives of the European Union Document. Towards a Stronger European Territorial Cohesion in the Light of the Lisbon and Gothenburg Ambitions // URL: http://www.qec-eran.org/documents/errn/EU_Territorial_Agenda.pdf.

Voir aussi: Document des Conclusions de la présidence pour la réunion informelle des ministres de l'UE au sujet de la Cohésion territoriale – 20 et 21 mai 2005 à Luxembourg // URL: http://www.eu2005.lu/fr/actualites/documents_travail/2005/05/20regio/Min_DOC_2_MinConcl_fin.pdf.

³ Dans le document sont indiquées les villes importantes retenues en Europe pour ce qui concerne les infrastructures et l'attractive en matière de travail et de capitaux. P. 29. Des chercheurs ont appelé cette action de re-localisation de ville «glurbanisation process of state restructuring of urban space» voir *Deas I., Lords A.* From a new regionalism to an unusual regionalism? The emergence of non-standard regional space and lesson for the territorial reorganisation of the State // *Urban Studies*. 2006. № 43. P. 1848.

⁴ *Brenner N.* Global cities, glocal States: global cities formation and State territorial restructuring in contemporary Europe // *Revue of international political economic*. 1998. № 5. P. 1 et s.

⁵ *Faloudi A.* From European Spatial Development to Territorial Cohesion Policy // *Regional Studies*. 2006. Vol. 40. № 6. P. 667.

⁶ Dans la version consolidée du Traité sur le fonctionnement de l'Union européenne, à la Première Partie, Titre I, dédiée aux catégories et domaines de compétences de l'Union, l'art. 4 se réfère aux compétences partagées. Il comprend au point c) «la cohésion économique, sociale et territoriale».

penser que l'action communautaire est visée à rejoindre un niveau majeur de compétitivité des Régions européennes, ainsi entre elles.

Les raisons officielles de la publication de ce document reflètent une volonté de protéger les différenciations territoriales dans le respect de la culture de la différence, et de défendre les zones rurales. Vues de cette perspective, ces politiques énoncées pouvaient représenter un moment d'opposition à une «glocalisation» débridée et sans règles. Au contraire, le fait d'avoir statué que la coopération territoriale se servira d'un modèle polycentrique avec trois niveaux d'intervention: l'échelon communautaire, le transnational/national et l'échelon régional/local¹. Cela signifie, de mon point de vue, remettre en cause le vieux modèle de souveraineté étatique sur un territoire.

Dès lors, le concept de développement polycentrique devrait être considéré comme étant un principe directeur fondamental. Au niveau spatial, cela signifie penser surtout à une compétition entre territoires dont le but serait d'assurer en priorité la desserte des zones d'intégration économique d'importance mondiale que l'on veut développer tout en garantissant leur rattachement à l'économie mondiale². La croissance économique impose une idée de recomposition territoriale basée sur des grandes villes qui n'appartiennent plus entièrement aux États. Londres, New York ou Tokyo ne sont pas seulement des capitales nationales, elles sont aussi mondiales³. On parle dans le SDEC du «Pentagone», c'est-à-dire des cinq villes les plus importantes en Europe. Le polycentrisme est fait pour le renforcer et non pour créer une vraie différenciation géographique et économique⁴.

PART II. Les nouvelles collectivités territoriales: des institutions entre droit public et droit privé

Le modèle polycentrique italien

En vérité, l'Italie a adopté une division territoriale polycentrique pour des raisons historiques, bien avant l'impulsion donnée par les instances communautaires.

L'histoire communale a des racines très profondes et le modèle régional a toujours eu des difficultés à s'imposer parce que les Régions italiennes ne disposaient d'aucune tradition républicaine.

De plus, la Région italienne n'est pas le résultat d'un processus historique ou économique, mais elle correspond à de vieilles circonscriptions administratives, ou plus précisément au découpage utilisé pour des raisons statistiques⁵.

Au bout du compte, les Régions ont été dessinées par le constituant, même si les attributions Législatives qui leur ont été conférées ont manqué longtemps d'effectivité⁶. Les Régions ont acquis dans la Charte constitutionnelle des compétences législatives concurrentes à celles de l'État, même si ces compétences sont énumérées dans la Constitution et portent sur des matières liées aux exigences locales (la chasse, la pêche etc.).

En revanche, la réforme constitutionnelle n. 3 du 2001, qui a modifié le Titre V de la Constitution italienne, a remis en cause ce modèle unitaire qui semble céder la place à un modèle polycentrique⁷. En effet, la nouvelle formulation de l'art. 114 de la Constitution semble fournir une égale dignité aux autorités locales indiquées dans l'article et d'autre

¹ Document SDEC. P. 42.

² Ivi. P. 33.

³ Sassen S. The global city. New York, London, Tokyo.

⁴ Deas J., Lords A. Op. cit. P. 1858.

⁵ Rotelli E. L'avvento della Regione in Italia: dalla caduta del regime fascista alla Costituzione repubblicana 1943–1947. Milano, 1967.

⁶ La mise en œuvre de la législation relative aux régions s'est produite uniquement avec le D.P.R. (Décret du Président de la République) du 24 juillet 1977, n. 616.

⁷ Ainsi défini par la doctrine, voir à ce propos Muro G. de. Art. 114 // Bifulco R., Celotto A., Olivetti M. (sous la direction de). Commentario alla Costituzione. Torino, 2006.

part, il pourrait être entendu comme une légitimation de la parité de toutes les collectivités territoriales y mentionnées avec l'Etat¹. Les communes, par exemple, ont une compétence réservée dans le Statut et seule la Cour constitutionnelle a essayé de reconstruire une fonction unitaire de l'État, convaincue de l'importance d'un moteur dans le polycentrisme.

Les régions transfrontalière et les districts industriels: des nouvelle entités qui ne sont pas des institutions publiques

La nouvelle vague de la décentralisation de l'État a ainsi d'autres fabricants: le Traité de Maastricht légitime la subsidiarité horizontale et verticale. L'une est influencée par l'autre, parce que le fédéralisme et l'intervention du domaine privé dans l'Etat ont été considérés nécessaires pour construire un modèle pluraliste de démocratie. De ce point de vue, il est possible de mieux comprendre la politique de transformation du territoire unitaire: le pluralisme doit briser le monolithe de la souveraineté sur un territoire unique et inventer une idée nouvelle de souveraineté partagée. Cette intention correspond au dessin des Régions transfrontalières qui sont des nouveaux territoires appartenant à plus Etats.

On pense, par exemple, à la Région transfrontalière Transtirolia, qui appartient à l'Italie, à l'Autriche et à la Suisse (bien que la Suisse ne fasse pas partie de l'Union européenne)². La collaboration entre ces Régions n'est pas seulement de type administratif.

L'accord mentionne une convention qui ressemble à un pacte de droit privé et qui ne comprend pas seulement des institutions, mais aussi des organisations industrielles, les Chambre des commerce et les Syndicat des hôteliers. D'un point de vue constitutionnel, il y a une difficulté à insérer ces nouvelles entités territoriales dans les catégories déjà connues: nous ne savons pas si l'intérêt général joue encore un rôle poursuivant des objectifs.

Encore plus étrange apparaît la Région Euradia, comprenant une partie de la Région à Statut spécial Friuli-Venezia Giulia, qui est dans le territoire italien très riche et très avancée du point de vue industriel, la Région découpée par des seules raisons statistiques (et non institutionnel) de Obalno-kraška en Slovénie et d'une façon telle pour avoir une sortie à la mer, la Région di Goriška et celle de Notranjsko-Kraška. Ces domaines sont hétérogènes entre eux, il y a des unions géographiques des communes, des régions statistiques et des simples surfaces qui sont attractives parce qu'elles ont un débouché sur la mer. L'histoire et la culture de la différence que la Communauté européenne dit vouloir protéger n'est jamais prise en considération si ce n'est que pour des résultats économiques.

Sont partenaires de la Région Euradia aussi bien des ministères, que des associations syndicales, de même que les représentants des entreprises. Le public travaille avec le privé mais les rapports sont réglés par des contrats et non pas par les sources de droit public.

La France est partie de plusieurs Régions transfrontalières, dont EuresChannel est la plus connue, grâce au Tunnel de la Manche. Elle comprend aussi la Belgique et le Royaume-Uni (les régions nationales qui participent sont le Hainaut, le Nord-Pas-de-Calais, la Flandre occidentale et le Kent).

Cette Région a récemment publié (1999) une Nouvelle réglementation (il ne s'agit pas d'un règlement mais d'une source plus flexible) sur le statut fiscal de frontalier qui est qualifié comme un «avenant», terme qui n'a jamais fait partie du lexique du droit constitutionnel.

¹ Le nouvel art. 114 alinéa 1, récite: «La Repubblica è costituita dai Comuni, dalle Province, dalle Città metropolitane, dalle Regioni e dallo Stato». La position non plus de type hiérarchique de l'Etat vers le Région a été mis en évidence par voir *Caravita B.* La Costituzione dopo la riforma del Titolo V. Stato, Regioni e autonomia fra Repubblica e Unione europea. Torino, 2002. P. 30 et s.

D'une manière plus critique s'exprime *Mangia A.* Il federalismo della «descrizione» e il federalismo della «prescrizione» // *Giurisprudenza costituzionale.* 2007. Vol. 52. № 6. P. 4045 et s.

² URL: http://www.eures-transtirolia.eu/eures_tt_intro_content.html.

Le fondement normatif qui est plutôt de type contractuel s'avère néanmoins très efficace pour régler la question entre les trois Pays¹.

La source juridique qui est utilisée, nous rappelle la prolifération des «contrats sans loi»² pouvant se reconduire à la «*lex mercatoria*» qui n'a pas de lien étroit avec l'État de droit³. Il s'agissait d'un droit créé par les «*mercatores*» et qui trouve son origine et sa validité dans le droit coutumier et dans le contentieux sur le commerce.

On est donc revenu à un pluralisme territorial qui n'est pas sans rappeler la période du Moyen âge décrite par Otto Brunner⁴. À cette époque, il n'existait pas une unité politique et institutionnelle dans le territoire où coexistaient plusieurs seigneurs, plusieurs forces et puissances politiques ainsi que de nombreuses sources de droit.

Les districts industriels n'ayant jamais eu des institutions publiques

La notion de «district industriel» a été mise en place par Alfred Marshall⁵ qui avait dit: «Généralement l'agrégation d'un grand nombre de petits ateliers, comme la création de quelques grandes usines, permet d'atteindre les avantages de production à grande échelle... Il est possible de couper le processus de production en plusieurs segments, chacun pouvant être réalisé avec le maximum d'économies dans un petit établissement formant ainsi un district composé d'un nombre important de petits établissements semblables spécialisés pour réaliser une étape particulière du processus de production»⁶.

Presque un siècle plus tard Giacomo Becattini reprend cette notion tout en la précisant: le district industriel est donc défini comme «Une entité sociale et territoriale caractérisée par la coexistence active d'une communauté ouverte d'individus et d'une population segmentée d'entreprises.»⁷.

En Italie le district est devenu très important et il a été étudié pour longtemps étant l'atout du succès du Nord Est. Plus tard l'Italie entière a eu ses districts artisanaux représentant partout un certain modèle italien de production (le «*made in Italy*»). Les lois n. 317 du 1991, n. 140 du 1999 et enfin la loi n. 266 du 2005 régissent les districts qui sont définis «libres agrégations d'entreprises» articulés sur le plan territorial et fonctionnel poursuivant le but de favoriser le développement des domaines et des secteurs dont il font partie ainsi que d'améliorer l'efficacité de l'organisation et la production selon le principe de la subsidiarité verticale et horizontale. Ils représentent aussi la manière de collaborer avec les associations des entrepreneurs⁸. La même loi de l'État a établi la discipline administrative qui doit être appliquée aux districts.

Par ailleurs, une série des lois régionales régissent les compétences des collectivités locales en matière de programmation et de financement des districts⁹.

¹ Le texte peut être consulté à l'adresse électronique suivant (URL: <http://www.eureschannel.org/docs/Fran-Avenant-2-fr.pdf>).

² Beaucoup de chercheurs avaient mis en évidence l'extension progressive de rapports entre particuliers et des relations juridiques qui n'ont pas plus de lien étroit avec la loi générale et abstraite, désormais substituée par des pactes ou des contrats. Il y a des marchés qui ne sont plus gouvernés par la loi dont les règles juridiques sont admises seulement après des accords de droit privé. À ce propos voir *Baldassarre A. Globalizzazione contro democrazia. Bari, 2002. P. 11–23.*

³ *Galvano F. Lex mercatoria. Bologna, 1976, rééd. 1993. P. 9 et 31.*

⁴ *Brunner O. Terra e potere. Milano, 1983.* Pour quelques indications à l'égard de l'unité territoriale du Moyen Age voir *Schiera P. Introduzione Unità di cultura e costituzione in Europa. Tre esempi storici / Verfassung und kulturelle Einheit Europas. Drei historische Beispiele. Napoli, 2005; Brunner O. Op. cit. XXV.*

⁵ *Marshall A. Principles of Economics. L., 1890.*

⁶ Actes d'un colloque de IGPDE (Institut de la gestion publique et du développement économique) du 5 et 6 février 2004 // La mobilisation du territoire: Les districts industriels en Europe occidentale du XVIIe au XXe siècle. La Documentation française, Collection Histoire économique et financière de la France. P., 2007.

⁷ *Becattini G. Le District industriel: milieu créatif // Restructurations économiques et territoires, espaces et sociétés. 1989. № 66/67. P. 159.*

⁸ Loi n. 266, 23 décembre 2005 au article 1, alinéa 366.

⁹ Voir, par exemple les lois de la Région Lombardia du 22 février 1993 et celle du 5 janvier 2000.

Concernant la nature incertaine des districts, la Cour constitutionnelle est intervenue durant un conflit d'attribution entre les Régions et l'État (surtout en soulevant la question de légitimité de l'art. 1, alinéa 368, lett. b) de la loi n. 266 du 2005 (loi de finance 2006). Autorisant le district à se conduire comme une autorité administrative qui vérifie donc si les entreprises possèdent les qualités requises, cette loi prévoyait l'accomplissement des exigences de simplification¹. De toute façon la Cour a déclaré qu'une telle loi n'est pas en contraste avec la Constitution. Elle a aussi mis en évidence que le district a une fonction de représentation des entreprises et qu'il peut conclure des accords de droit privé au nom des entreprises. Dans ce contexte, le district finirait par exercer des fonctions administratives sans être un organisme public. Au reste, en violation de l'art. 97 de la Constitution, ces fonctions sont attribuées à un sujet partial².

Ce cadre va au-delà de l'idée du fédéralisme qui s'est glissée à travers l'Europe et qui a trompé les citoyens en promettant une démocratie plus efficace³.

L'impression est qu'il y a une tentative de substituer le manque d'un pluralisme institutionnel avec un pluralisme territorial qui tente de résoudre surtout les questions pratiques et économiques au-delà du domaine du droit public.

Les «comunità montane»

D'autres territoires nationaux sont représentés en Italie par les «comunità montane».

Elles sont des unions des communes de la montagne qui peuvent aussi appartenir à différents départements et elles ont le but de valoriser les zones en altitude et elles peuvent exercer fonctions propres, fonctions déléguées ou fonctions en association des communes.

La «comunità montana» a son propre organe représentatif dont les membres sont élus par les conseils communaux des communes qui en font partie et un organe exécutif composé par les maires et les conseillers des communes participants. Le président de cette communauté est choisi parmi les communes qui composent l'union.

Leur existence a été mise en cause par la réforme constitutionnelle n. 1 du 2001 parce que l'art. 114 renouvelé de la Constitution ne les prévoyait pas quand énonce les collectivités locales qui font partie de la République.

Une partie de la doctrine avait interprété l'absence de mention dans la Constitution comme une autorisation à l'éliminer dans le système de collectivités territoriales.

En effet, la liste des collectivités contenues dans l'art. 114 peut être considérée exhaustive, pourtant elles n'ont pas une place dans le nouveau système de collectivités territoriales⁴.

¹ *Padula C.* Principio di corrispondenza chiesto-pronunciato, principio di sussidiarietà e distretti produttivi: una sentenza che desta perplessità // *Le Regioni*. 2007. № 5.

² *Sacrestano V. A.* Poca chiarezza sull'aggregazione // URL: <http://www.ilsole24ore.com>.

³ *Beaud O.* Fédéralisme et souveraineté // *Revue du droit public*. 1998. № 1. P. 94–98. L'A. soutient que la démocratie et le fédéralisme ont été trop souvent considérés comme étant synonymes: «cette assimilation du fédéralisme à la démocratie tend à gommer sa spécificité. Il est vrai certes que les deux idées se sont historiquement rejointes, comme on aura l'occasion de le montrer à propos de la notion de fédéralisme constitutionnel. Mais il n'empêche qu'elles ne sont pas synonymes». «La démocratie – a-t-il ajouté – est un régime politique, tandis que le fédéralisme est plutôt une forme d'Etat et leur unique point en commun est l'idée du pluralisme, qui est nécessaire pour l'existence de toutes les deux».

Georges Burdeau, lui aussi, distingue le fédéralisme de la démocratie: «sans doute le principe démocratique vise-t-il le même objectif (le pluralisme) puisqu'il tend à associer individus à la formation des décisions par lesquelles ils seront liés. Mais, dans la démocratie il ne s'agit que d'une association d'individus. L'idée fédérale cherche à faire prévaloir une association de groupes», voir *Burdeau G.* Traité de science politique. T. II: L'Etat. P., 1980. P. 493.

⁴ *Rescigno G. U.* Sul fondamento (o sulla mancanza di fondamento) costituzionale delle Comunità montane, nota a Corte costituzionale n. 244 del 2005 // *Giurisprudenza costituzionale*. 2005. № 2. P. 2120.

En revanche, la Cour constitutionnelle italienne a statué leur compatibilité avec la réforme¹, bien qu'elles ne sont pas mentionnées en Constitution, elles étaient prévues par la loi (mais de l'Etat) bien avant la Réforme du Titre V de la Constitution².

La non mention en Constitution a été interprétée comme si les communautés ne sont pas des organes «nécessaires» et par conséquent -en conformité avec l'art. 117, comma 2, lett. p) que circonscrite la compétence de l'État en matière de collectivités locales à celles qui sont explicitement mentionnés dans la Constitution – elles sont soumises aux compétences régionales et au pouvoir résiduel des Régions ex art. 114 de la Constitution, alinéa 4, et ce sont les Régions qui identifient la limitation des domaines des communautés et c'est le Président de l'exécutif régional (la Giunta regionale) qui les mettre en place.

La question la plus brûlante en droit constitutionnel au sujet de l'aménagement du territoire est celle qui concerne la répartition de compétence entre l'Etat et la Région à propos des communautés de montagne.

La loi régionale établit la procédure d'approbation du Statut de la Communauté, les rapports qu'elle doit entretenir avec les autres collectivités sur le territoire et la répartition entre les communautés de montagne des financements régionaux et de l'Union européenne.

La compétence en matière de communauté est donc de la Région, mais la loi de l'Etat qui l'avait disciplinée avant la Révision constitutionnelle du Titre V reste en vigueur pour le respect du principe de continuité, jusqu'à sa substitution par les lois régionales³.

En revanche, la question qui remet en cause les compétences est la puissance financière⁴. À travers sa propre compétence en matière de coordination des finances publiques l'État revendique l'organisation et surtout la réduction des nombres des communautés en niant le financement ou bien en établissant comment ce financement doit être dispensé dans les collectivités.

La compétence sur la coordination de la finance publique légitime intervention incisive sur matière de compétence des régions⁵ et grâce à cette compétence l'État peut amplifier son intervention. Bien qu'une lecture attentive de la Constitution semble justifier seulement une action de l'État vouée à établir seulement des limites générales et non détaillées à l'égard de l'utilisation des ressources financières destinées aux communautés dans les faits la Cour constitutionnel à trouvé des solutions bien plus audacieuses qui justifient l'intervention du pouvoir central en créant un principe de «prevalenza» à travers lequel on introduit un principe de supériorité de l'Etat à l'égard des Régions⁶.

Pour ce qui est des compétences, la question centrale est de réduire les coûts des établissements publics en général et des collectivités en particulier qui touchent tous les Pays d'Europe. En effet, ce n'est pas un hasard si l'aménagement du territoire et la réorganisation des collectivités ne sont pas faites pour une implémentation des droits, mais plutôt pour contenir le coût des finances publiques. En Italie il y a un affrontement entre l'exigence de contenir les dépenses publiques tout en garantissant l'autonomie des régions⁷.

¹ Cour constitutionnelle. Déc. n. 244 et 456 du 2005 et ensuite déc. n. 397 du 2006.

² Art. 27 del D.lgs 18 août 2000, n. 267 (T.U. enti locali).

³ *Viceconte N.* Comunità montane e Corte costituzionale: nuovi nodi da sciogliere? // Rivista AIC. 2010. № 2. P. 3.

⁴ Cour constitutionnelle, déc. n. 91 du 21 mars 2011. Sur ce sujet, voir *Viceconte N.* La Corte chiarisce sulle comunità montane. Nota a Corte cost. 21 marzo 2011, n. 91 (e a margine della sentenza n. 326 del 2010) // Rivista AIC. 2011. № 2.

⁵ Cour constitutionnelle, déc. n. 27/2010.

⁶ *Bin R.* Prevalenza senza criterio // *Le Regioni*. 2009. № 3–4. P. 619; selon lequel ce critère peut être considéré un remaniement de l'intérêt national. Du même avis, *Cosimo G. di.* C'erano una volta le materie residuali // URL: <http://www.forumcostituzionale.it>. P. 2. Sur le même sujet, on s'autorisera à renvoyer à *Ciulli I.* La «Supremacy clause all'italiana». Regioni e strumenti finanziari derivati davanti alla Corte costituzionale // Rivista AIC. 2010. № 1. P. 4.

⁷ La legge dispone provvedimenti a favore delle zone montane.

Il faut également rappeler l'art. 5 de Constitution italienne, qui garantit une priorité de l'État et la présence d'un modèle d'organisation territoriale qui n'est pas du tout conforme à un modèle polycentrique. Et d'ailleurs quand on essaie de l'appliquer, la confusion règne, la Cour constitutionnelle laissant entendre – entre les lignes – que ce modèle-là n'est pas en harmonie avec l'organisation constitutionnelle, et qu'il faut reconduire au centre, à l'organisation étatique, les décisions les plus importantes afin de sauver les institutions de l'État central¹.

Quelques mots conclusifs

Quelles sont les conséquences de ces profonds changements dans l'aménagement du territoire?

L'agglomération des communes, les «comunità montane» et la constitution des Régions frontalières entraînent un affaiblissement de l'institut de la Représentation politique: il n'y a pas des mécanismes d'élection directe de ces collectivités, qui ne répondent pas aux électeurs. Bien qu'elles aient des compétences spécifiques, le pouvoir politique exercé par ces collectivités ne dérive pas des citoyens. De plus, elles peuvent établir des taxations supplémentaires et donc échapper au principe cardinal du droit constitutionnel qui est résumé par la maxime «*no taxation without representation*».

Il y a une autre question qui est centrale pour le droit constitutionnel: l'unité et l'intégration de l'État et de son peuple constituent les fondements de ce droit et l'unité assume une position centrale pour la fondation du pouvoir légitime. Je ne veux pas dire que la décentralisation n'est pas légitime, mais qu'une excessive décentralisation qui ne reconnaît pas un centre de pouvoir et qui voit l'État simplement comme l'un des sujets territoriaux et politiques au même niveau que les autres, ne contribue pas à la création d'un vrai pluralisme ni territoriale, ni institutionnel, mais plutôt à une forme chaotique où le pouvoir n'est ni limité, ni régit par les citoyens.

Bibliography

Actes d'un colloque de IGPDE (Institut de la gestion publique et du développement économique) du 5 et 6 février 2004 // La mobilisation du territoire: Les districts industriels en Europe occidentale du XVIIe au XXe siècle. La Documentation française, Collection Histoire économique et financière de la France. P., 2007.

Auby J.-B. *at al.* Droit des collectivités locales. IV éd. P., 2008.

Badie B. La fin des territoires. Essais sur le désordre international et sur l'utilité sociale du respect. P., 1995.

Baldassarre A. Globalizzazione contro democrazia. Bari, 2002.

Beaud O. Fédéralisme et souveraineté // Revue du droit public. 1998. № 1.

Becattini G. Le District industriel: milieu créatif // Restructurations économiques et territoires, espaces et sociétés. 1989. № 66/67.

Bin R. Prevalenza senza criterio // Le Regioni. 2009. № 3–4.

Brenner N. Global cities, glocal States: global cities formation and State territorial restructuring in contemporary Europe // Revue of international political economic. 1998. № 5.

Brenner N. Globalization as reterritorialization: the re-scaling of urban governance in Europe // Urban Studies. 1999. Vol. 36. № 3.

Brunner O. Terra e potere. Milano, 1983.

Burdeau G. Traité de science politique. T. II: L'Etat. III éd. P., 1980.

Caravita B. Il tabù della sovranità e gli «istituti tipici di ordinamenti statuali di tipo federale in radice incompatibili con il grado di autonomia regionale attualmente assicurato dal nostro ordinamento costituzionale» // Federalismi.it. 2007. 21 novembre.

Caravita B. La Costituzione dopo la riforma del Titolo V. Stato, Regioni e autonomie fra Repubblica e Unione europea. Torino, 2002.

Cassese S. Lo spazio giuridico globale. Roma-Bari, 2003.

¹ Mangiameli S. Titolo V, ordinamento degli enti locali e Comunità montane, nota a Corte cost. n. 244 del 2005 // Giurisprudenza costituzionale. 2005. № 5. P. 2125.

Ciolfi I. Il territorio rappresentato. Profili costituzionali. Napoli, 2010.

Ciolfi I. La «Supremacy clause all'italiana». Regioni e strumenti finanziari derivati davanti alla Corte costituzionale // Rivista AIC. 2010. № 1.

Conclusions de la présidence pour la réunion informelle des ministres de l'UE au sujet de la Cohésion territoriale – 20 et 21 mai 2005 à Luxembourg // URL: http://www.eu2005.lu/fr/actualites/documents_travail/2005/05/20regio/Min_DOC_2_MinConcl_fin.pdf.

Conseil constitutionnel, Déc. n. 85–196 DC, 8 août 1985, Loi sur l'évolution de la Nouvelle-Calédonie, Considérant n. 16 et Déc. n. 86–208 DC, 2 juillet 1986, Loi relative à l'élection des députés et autorisant le Gouvernement à délimiter par ordonnance les circonscriptions électorales, Considérant n. 21.

Cosimo G. di. C'erano una volta le materie residuali // URL: <http://www.forumcostituzionale.it>.

Deas I., Lords A. From a new regionalism to an unusual regionalism? The emergence of non-standard regional space and lesson for the territorial reorganisation of the State // Urban Studies. 2006. № 43.

Faberon J. Y. La Nouvelle-Calédonie, pays à souveraineté partagée // Revue du droit public. 1998. Mai – Juin.

Faloudi A. From European Spatial Development to Territorial Cohesion Policy // Regional Studies. 2006. Vol. 40. № 6.

Galgano F. Lex mercatoria. Bologna, 1976, réed. 1993.

Governa F., Salone C. Italy and European Spatial Policies: Polycentrism, Urban Networks and Local Innovation Practices // European Planning Studies. 2005. Vol. 13. № 2.

Habermas J. Die postnationale Konstellation: politische Essays, Frankfurt am Main, 1998 (édition française: Après l'Etat-nation. Une nouvelle constellation politique. P., 1998).

Hickman J. The New Territorial Imperative // Comparative Strategy. 2010. Vol. 29. № 5.

Luciani M. A mò di conclusione: le prospettive del federalismo in Italia // Pace A. (sous la direction de). Quale dei tanti federalismi. Padova, 1997.

Mangia A. Il federalismo della «descrizione» e il federalismo della «prescrizione» // Giurisprudenza costituzionale. 2007. Vol. 52. № 6.

Mangiameli S. Titolo V, ordinamento degli enti locali e Comunità montane, nota a Corte cost. n. 244 del 2005 // Giurisprudenza costituzionale. 2005. № 5.

Marshall A. Principles of Economics. L., 1890.

Muro G. de. Art. 114 // *Bifulco R., Celotto A., Olivetti M.* (sous la direction de). Commentario alla Costituzione. Torino, 2006.

Neumann F. L. The Democratic and the Authoritarian State: Essays in Political and Legal Theory (trad. it.: Lo Stato democratico e lo Stato autoritario). Bologna, 1973.

Padula C. Principio di corrispondenza chiesto-pronunciato, principio di sussidiarietà e distretti produttivi: una sentenza che desta perplessità // Le Regioni. 2007. № 5.

Permann M. Construction of New Territorial Scales: A Framework and Case Study of the EUREGIO Cross-border Region // Regional Studies. 2007. Vol. 41. № 2.

Permann M. Cross-border regions in Europe: significance and drivers of regional cross-border cooperation // European urban and regional studies. 2003. № 10.

Rescigno G. U. Sul fondamento (o sulla mancanza di fondamento) costituzionale delle Comunità montane, nota a Corte costituzionale n. 244 del 2005 // Giurisprudenza costituzionale. 2005. № 2. P. 2120.

Rigo E. L'Europa di confine. Trasformazioni della cittadinanza nell'Europa allargata. Roma, 2007.

Rotelli E. L'avvento della Regione in Italia: dalla caduta del regime fascista alla Costituzione repubblicana 1943–1947. Milano, 1967.

Sacrestano V. A. Poca chiarezza sull'aggregazione // URL: <http://www.ilsole24ore.com>.

Sassen S. Cities in a world economy. Thousand Oaks, 1994.

Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo. Princeton, 1991.

Schieba P. Introduzione // Unità di cultura e costituzione in Europa. Tre esempi storici / Verfassung und kulturelle Einheit Europas. Drei historische Beispiele. Napoli, 2005.

Smend R. Verfassung und Verfassungsrecht. München; Leipzig, 1928 (trad. it.: Costituzione e diritto costituzionale. Milano, 1988).

Swyngedouw E. Neither global nor local: «glocalization» and the politics of scale // Spaces of Globalization / ed. by K. Cox. N. Y., 1997.

Swyngedouw E. The mammon quest: «glocalization», interspatial competition and the monetary order: The construction of new scales // *Cities and Regions in the New Europe* / ed. by M. Dunford, G. Kafkalas. N. Y., 1992.

The Territorial State and Perspectives of the European Union Document. Towards a Stronger European Territorial Cohesion in the Light of the Lisbon and Gothenburg Ambitions // URL: http://www.qec-eran.org/documents/errn/EU_Territorial_Agenda.pdf.

Turner F. J. The Significance of the frontier in American history. N. Y., 1921.

URL: <http://www.eureschannel.org/docs/Fran-Avenant-2-fr.pdf>.

URL: http://www.eures-transtirolia.eu/eures_tt_intro_content.html.

Viceconte N. Comunità montane e Corte costituzionale: nuovi nodi da sciogliere? // *Rivista AIC*. 2010. № 2.

Viceconte N. La Corte chiarisce sulle comunità montane. Nota a Corte cost. 21 marzo 2011, n. 91 (e a margine della sentenza n. 326 del 2010) // *Rivista AIC*. 2011. № 2.

Е. В. Биричева*
С. С. Колмакова**
К. Ю. Пиксаева***
Д. И. Победаш****

МЕЖЛИЧНОСТНЫЙ УРОВЕНЬ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: МОЛОДЕЖНЫЕ НАУЧНЫЕ СООБЩЕСТВА

Авторы статьи обращают внимание на такой малоизученный аспект формирования международных отношений, как межличностные связи людей. Особенно актуальным данный вопрос становится в условиях нестабильности современного миропорядка. Представляется, что в тот момент, когда в глобальной экономической системе назревает кризис, а на политической арене разворачиваются серьезные конфликты, способствовать укреплению международного взаимодействия может интеграция в области науки и образования на уровне конструирования межличностных связей членов научных сообществ. В рамках данного исследования специфика международных отношений рассматривается с различных точек зрения. Это позволяет обозначить перспективы укрепления международных отношений, основанных на общечеловеческих ценностях и личной заинтересованности молодых ученых в решении проблем мировой политики.

Ключевые слова: межличностный уровень международных отношений, научные сообщества, теории международных отношений, молодежные модели ООН, экзистенциальные основания отношений, общечеловеческие ценности

The authors address an understudied issue of interpersonal connection as an aspect of formation of international relations. Research on this subject is especially important because of the instability of modern world order. The authors believe that – at the moment of brewing global economic crisis and when the world political arena is full of serious and grave conflicts – integration and communication in scientific sphere can contribute for consolidation and development of international cooperation especially on the level of the interpersonal connection between members of scientific communities. Within the context of this research specific character of international relations is studied from different points of view. It allows to trace perspectives of consolidation of international relations based on universal human values and personal interest of young scientists in solving world political problems.

Key words: interpersonal level of international relations, scientific communities, theories of international relations, youth Model UN, existential basis of relations, universal human values

В современных условиях динамичных изменений международных отношений очевидной становится необходимость поиска новых механизмов регуляции и переустройства

* Биричева Екатерина Вячеславовна – кандидат философских наук, преподаватель Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург). E-mail: e.v.biricheva@mail.ru.

** Колмакова Светлана Сергеевна – студент Института социальных и политических наук Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург). E-mail: podlyistitch@gmail.com.

*** Пиксаева Ксения Юрьевна – студент Института социальных и политических наук Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург). E-mail: kseniap.58@gmail.com.

**** Победаш Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент Института социальных и политических наук Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург). E-mail: pobedash@mail.ru.

миропорядка. Актуальны не только разработки финансово-экономических, институционально регулируемых государством методов международной интеграции, но и исследования путей укрепления международных отношений за счет выстраивания связей в социальной, культурной, научной и образовательной сфере. Требуется изучения роль научных и студенческих сообществ в качестве негосударственных акторов, способных изменять лицо современной мировой политики, в условиях необходимости преодоления методологической ограниченности доминирующих неореалистских воззрений. Представляется, что анализ способов взаимодействия в области науки и образования с точки зрения альтернативных подходов (неолиберализм, постмодернизм, конструктивизм, философский анализ и др.) позволит наметить пути укрепления международного сотрудничества на новых уровнях.

Растущая экономическая взаимозависимость государств мира побуждает разрабатывать программы интеграции и в других областях человеческой деятельности. По модели «глобальной экономической системы»¹ возможно формирование связей в сфере науки и образования за счет построения отношений непосредственно между локальными структурами (вузами, научно-исследовательскими центрами, студенческими организациями, научными сообществами) в различных регионах исходя из локальных потребностей на «не-государственном» и, тем не менее, международном уровне. О «ризоматичном», не имеющем единого центра («а-центрированные системы») характере отношений впервые заговорили французские философы второй половины XX в. Ж. Делез и Ф. Гваттари². Постмодернистский проект данных мыслителей, а также исследования М. Фуко в области политики и социальной эпистемологии легли в основу реорганизации системы образования, став идеологической базой синхронных студенческих революций во Франции и Японии в 1968 г. Исследованию международной интеграции в области высшего образования посвящали работы Дж. Найт, Г. де Вит, К. Керр, А. Кортунув и др. Особо хотелось бы отметить многогранный анализ интернационализации высшего образования, выполненный В. Куприяновой-Ашиной и Чанг Жу³. Проблематикой научных сообществ занимались такие философы и социологи науки, как И. Лакатос, Т. Кун, Р. Мертон, Э. Адлер, П. Хаас, Ю. Хабермас и др.

Современная ситуация глобальной нестабильности зачастую порождает сомнения, взаимное недоверие друг к другу, а конфликты в таких условиях лишь усугубляются. Как показывают последние события, пропаганда и нехватка правдивой информации на фоне слабой международной интеграции академических элит и интеллигенции способны быстро разрушить даже, казалось бы, крепкие международные отношения. Однако еще в начале XX в. британский мыслитель-либералист Н. Энджелл писал: «Девяносто девять процентов ревности, озлобления, зависти в международных отношениях порождаются не фактами, а нашим непониманием фактического положения дел»⁴. В связи с этим весомую роль в международном взаимопонимании играет не только информированность общества, но и разностороннее, глубокое осмысление происходящих процессов. Это должно обеспечиваться качеством высшего образования и научных исследований, а также свободой доступа широкой общественности к информационным ресурсам.

Н. Энджелл еще до Первой мировой войны предупреждал об экономической невыгодности военных действий и захвата чужих территорий, осмыслял общечеловеческие

¹ Andreeva A., Anisimova O., Bilenko Yu. and others. Post-crisis Global Economy: Restoration of Equilibrium: monogr. Kiev, 2013. P. 191–192.

² Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2010. С. 6–45.

³ Куприянова-Ашина В., Чанг Жу. Интернационализация в сфере высшего образования: российские подходы // Междунар. процессы. 2013. № 2. Т. 11; Сотрудничество и противоборство в мировой политике. 2013. Май – август. С. 85–94.

⁴ Angell N. Commercial Rivalry and International Relations // The Advocate of Peace (1894–1920). October, 1913. Vol. 75. № 9. P. 214.

основания, на которых возможно построение взаимовыгодного продуктивного взаимодействия¹. Действительно, опыт XX столетия показал, что решение вопросов мировой политики жесткими, силовыми методами не приносит выгоды ни одной из сторон. Речь идет не только об экономических выгодах, но и о многоплановой взаимозависимости культурных, социальных, психологических аспектов, поскольку события разворачиваются в контексте *человеческих* отношений, а не отношения к бесчувственному «объекту». В связи с пониманием данных моментов сегодня под вопрос ставятся доминирующие как в американских, так и в российских политических стратегиях и действиях реалистские воззрения. В рамках классического реализма игнорируется общечеловеческая этика; в качестве основного мотива внешнеполитического действия признается страх перед «Другим» (якобы являющийся естественным состоянием человека); применение силовых методов не вызывает сомнений; акторами мировой политики признаются лишь государства².

Тем не менее страх и война вряд ли могут считаться естественными для человека. Напротив, история и культура человечества показывают, что наряду с деструктивным началом для нас, мыслящих существ, характерны любовь и добро, конструктивный и творческий потенциал³. Мы нуждаемся в этом «Другом» как в иной, дополнительной к нашей точке зрения, позволяющей самим открыться и развернуть по максимуму собственные возможности. Таким образом, на данном этапе существует необходимость рассматривать международные отношения с позиции различных равноправных теоретических подходов, а также ориентироваться на конструктивный потенциал интегрирующих тенденций в таких сферах человеческой деятельности, как культура, спорт, наука и образование.

Несмотря на обилие литературы, посвященной, с одной стороны, способам осуществления международной интеграции, а с другой – исследованиям научных сообществ в различных социально-гуманитарных дисциплинах, ощущается нехватка целостной картины оснований, способов и перспектив международного взаимодействия в сфере науки и образования. Большинство исследователей данного направления сходятся во мнении, что интегрированность в глобальное научное и образовательное пространство благотворно влияет как на «внутреннее» развитие государства, так и на гармонизацию международных отношений. Со второй половины XX в. очевидно возрастание роли экспертных и научных сообществ в принятии правительственными структурами решений, в том числе внешнеполитических⁴. Тем не менее сейчас деятельность научных сообществ и образовательных организаций чаще рассматривается как внутривнутриполитическая, обуславливаемая государственной политикой и движимая исключительно в рамках стратегического развития той или иной страны.

Между тем современная ситуация тотального плюрализма, потери ориентиров и незревания кризиса практически во всех областях человеческой деятельности побуждает к пересмотру стереотипов, сложившихся в силу доминирования в мировой политике реалистских воззрений. В связи с этим в отношении понимания места и роли научно-педагогических сообществ возникает ряд вопросов. Можно ли рассматривать данные сообщества в качестве негосударственных акторов мировой политики? И если да, то на каких основаниях? А если нет, то в каких иных качествах? Какие позитивные последствия международная научно-образовательная интеграция влечет не для государства, а непосредственно для человека вне зависимости от его национальной принадлежности? Каковы социально-философские основания потребности в международном взаи-

¹ Энджелл Н. Великое заблуждение. Очерк о мнимых выгодах военной мощи наций. Челябинск, 2009.

² Morgenthau H. J. Politics among Nations // The Struggle for Power and Peace. N. Y., 1978. P. 4–15.

³ Фромм Э. Ценности, психология и человеческое существование // Фромм Э. Искусство быть. М., 2013. С. 8–26.

⁴ Победаш Д. Профессура правит миром: политический реализм и правящая элита США // Известия Уральского гос. ун-та. 2006. № 45. С. 56–64.

модействии в сфере науки и образования? Какими способами и на какой нормативной базе может осуществляться данное взаимодействие? Каковы долгосрочные перспективы укрепления международного сотрудничества в области науки и образования для человечества в целом?

Ректор Евразийского национального университета (Казахстан) профессор Б. Ж. Абдраимов верно заметил, что «образовательная интеграция, зародившаяся по историческим меркам совсем недавно, происходит из понимания, что экономическая интеграция автоматически предполагает интеграцию кадрового обеспечения этого процесса»¹. Действительно, развитие внешнеэкономических связей ведет к более тесному сотрудничеству и в других сферах деятельности. Поэтому большинство стран Европейского союза и ряд государств из прилегающих регионов включаются в интеграционный проект в области образования, известный как Болонский процесс. На различных уровнях декларируется необходимость международного сотрудничества в виде совместных научных исследований и образовательных программ. Так, стремление Правительства Российской Федерации укреплять международное взаимодействие в сфере науки и образования с целью информационного сотрудничества, повышения качества жизни и квалификации кадрового состава отражают такие источники, как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года² (пп. 7, 16, 24, 58, 61, 66–70), Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС³ (пп. 23, 24, 25, 33, 34) и др. Взаимодействие государств в рамках различных, в первую очередь экономически выгодных союзов (ШОС, БРИКС, АСЕАН, НАФТА, ЕС, ЕврАзЭС) несомненно благотворно влияет и на сотрудничество в сферах культуры, науки и образования.

И все же политические и экономические решения и нормативные документы в данной сфере – это не единственное, что определяет ход и специфику интеграционных процессов. Ряд программ и мер по их реализации, принимаемых государствами на правовом и политическом уровнях, безусловно необходимы в качестве подготовки базы и расширения пространства для культурного, научного и образовательного международного сотрудничества. Однако хотелось бы обратить особое внимание на то, что любые международные отношения представляют собой в конечном счете *взаимодействие между отдельными людьми*. Политические разногласия, кризисы и нестабильные ситуации ведут прежде всего к ослаблению международного экономического сотрудничества, поскольку в глазах инвесторов и экономистов выступают угрозами для торговли. Соответственно риски снижаются путем сокращения объемов финансирования и продаж, что порождает еще большее взаимное недоверие. В этом случае ведущую роль в сохранении международных связей могут играть отношения в таких непосредственно не относящихся к финансам и экономике областях, как культура, наука и образование. Поэтому с позиции самых важных потребностей человека в общении с «Другим», творческой активности и свободной самореализации можно утверждать, что наиболее тесное, укрепленное именно на уровне общечеловеческих ценностей сотрудничество рождается в ходе межличностных отношений. Международные отношения, на наш взгляд, строятся не как абстрактные связи «между государствами» и разворачиваются не только в формальном ключе на политической арене, ученых и студентов нельзя воспринимать исключительно как один из «ресурсов» внутренней и внешней политики⁴. Международные отношения – это еще и личные неформальные связи совер-

¹ Абдраимов Б. Ж. Межвузовское сотрудничество как ключевой фактор развития общего образовательного пространства: евразийское измерение // URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/4223>.

² Официальный сайт Президента России: URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/05/216229.shtml>.

³ Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ: URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/D23D45D62C00F78E44257B35002ACD50.

⁴ Шишкина О. Политика соседства или политика соседей? Россия и «западный фланг» СНГ // Теория в условиях неопределенности. 2012. № 3. Т. 10. С. 121.

шенно разных по национальности, культуре, вероисповеданию, социальному статусу и профессиональной принадлежности людей.

Подобная точка зрения характерна для людей, занимающихся совместными междуна-родными научно-образовательными проектами. К примеру, на встрече по вопросам укрепления российско-финского сотрудничества в сфере науки и образования с рек-тором Университета Кумкенлаксон (Финляндия) профессором Петтери Иконен ректор Санкт-Петербургского государственного политехнического университета профессор А. И. Рудской сказал: «Наше сотрудничество не опирается лишь на межправитель-ственные соглашения о приграничном сотрудничестве государств – это сами собой разумеющиеся, но не обязывающие нас к действию директивы. Нам это интересно в первую очередь с точки зрения возможности творческого проникновения»¹. Таким об-разом, международное взаимодействие в рамках решения исследовательских задач и развития образования интересно для отдельных личностей своим творческим по-тенциалом, возможностью увидеть ту или иную проблему под углом зрения другого менталитета, продуктивным диалогом различных культур.

К традиционным способам организации международного сотрудничества в сфере науки и образования можно отнести осуществление программ обмена студентами, преподавателями, научными сотрудниками; совместные международные магистерские программы; практику «двойных дипломов»; совместные научно-исследовательские пу-бликации; международные научно-практические конференции; программы стажиро-вок для учащихся, научных работников и педагогических кадров; совместную работу в рамках международных грантов; открытие на базе национальных вузов филиалов зарубежных кафедр, институтов, университетов. Однако реализация многих подобных направлений оказывается затруднена низкой степенью академической мобильности и нехваткой финансовых ресурсов. В связи с этим актуальной становится разработка таких инновационных способов международного взаимодействия в сфере науки и об-разования, как использование цифровых информационных технологий для проведения виртуальных форумов и видеоконференций, применение интерактивных и дистанци-онных технологий обучения, повышение академической мобильности за счет средств различных фондов и грантов, проведение международных встреч, направленных на решение научных проблем, в альтернативных формах игр, открытых дискуссий, мо-лодежных моделей реально существующих международных организаций и др. Такие нетрадиционные разработки привлекают внимание мировой общественности, помогают решить не только специально-научные проблемы, но и глобальные международные вопросы, а также способствуют личностному развитию участников, а следовательно, росту международной интегрированности научно-педагогических кадров.

К примеру, усилению международной интеграции, на наш взгляд, может способ-ствовать проведение таких нетрадиционных, набирающих популярность мероприятий в сфере науки и образования, как молодежные модели ООН. Студенты-международ-ники и молодые ученые в области международных отношений являются наиболее мо-бильными и активными участниками подобных мероприятий, поскольку они в значи-тельной степени заинтересованы в получении как нового опыта, так и возможности обсуждать и решать острые проблемы современности, с которыми им придется более плотно иметь дело в профессиональном будущем.

Личный опыт участия авторов данной статьи в международных студенческих моде-лях ООН, проходивших в 2013–2014 гг. в различных городах России², показывает, что

¹ Укрепление российско-финского сотрудничества в сфере науки и образования // Новости НИУ СПбГПУ; URL: http://nru.spbstu.ru/novosti/news_nru/news487.

² Отчет о мероприятии «Екатеринбургская международная модель ООН» 28–30 ноября 2013 г. // URL: http://fir.ispn.urfu.ru/media/files/2014/01/%D0%9E%D0%A2%D0%A7%D0%95%D0%A2_%D0%95%D0%9C%D0%9C%

данные мероприятия способствуют, во-первых, *личностному развитию участников* (улучшение навыков владения иностранными языками, практика переговорного мастерства, опыт публичного выступления, проявление лидерских качеств и ораторских способностей); во-вторых, *осмыслению международных проблем с различных точек зрения* (понимание «делегатом» позиции той или иной страны «изнутри» благодаря смысловому погружению в условия ее реального формирования, возможность пережить опыт другого народа как собственный и глубоко волнующий, развитие более дружественного отношения к представителям и позициям других стран, вовлеченность в обсуждение актуальной проблемы в творческом пространстве свежих взглядов и идей); в-третьих, *укреплению межличностных связей с иностранными участниками* (новые знакомства с зарубежными студентами и молодыми учеными, достижение взаимопонимания по ряду рассматриваемых в рамках мероприятия вопросов, возможность формирования позитивного образа представителя родной страны у иностранных коллег, поддержание долгосрочных неформальных отношений после проведения мероприятия благодаря общим интересам) и, наконец, *поиску альтернативных путей решения острых международных проблем* (результаты обсуждения проблем и резолюции, вынесенные по их поводу участниками молодежных моделей ООН, по инициативе организаторов могут быть для ознакомления представлены таким правительственным органам и структурам, как генеральные консульства заинтересованных в затронутых вопросах стран, международное сообщество моделей ООН, реальные органы ООН и т. п.).

Затруднения в плане развития потенциала подобных мероприятий зачастую связаны с тем, что они рассматриваются лишь в качестве «ролевых игр» в контексте педагогического процесса, вследствие чего результаты решения международных проблем, предлагаемые участниками «модельного движения», не воспринимаются всерьез и не удостоиваются внимания организаций. Однако данные модели и другие инновационные формы мероприятий с участием студентов и молодых ученых из разных стран мира имеют огромный потенциал в плане укрепления международных отношений за счет межличностного взаимодействия, а также благодаря возможному формированию нового типа негосударственных акторов мировой политики (международные молодежные неправительственные структуры, студенческие организации, научные сообщества).

«Поскольку самостоятельное и перспективное направления развития сотрудничества межгосударственного уровня связаны сегодня со сферой образования, они изолированы от политических разногласий и способствуют созданию таких условий, которые сглаживают политические и экономические противоречия между странами и выведут их на новые рубежи сотрудничества», — считает Б. Ж. Абдраимов¹. Соглашаясь в данном вопросе с ученым, подытожим: укрепление международного сотрудничества в области науки и образования разными способами и на различных уровнях (от системного и государственного до уровня микросообществ и отдельных личностей) имеет огромный потенциал в плане более продуктивной, позитивной, гармоничной реорганизации современных международных отношений. На наш взгляд, такие перспективы, с одной стороны, не предполагают негативных моментов стремления к «господству умных»², поскольку носят неправительственный характер, а с другой — могут способствовать принятию более грамотных как в научном, так и в человеческом плане политических решений.

D0%9E%D0%9E%D0%9D-2013.pdf; Вестник Московской международной модели ООН (13–18 апреля 2014 г.) // URL: http://modelun.ru/?page_id=632; Тюменская студенческая модель ООН-2014 (21–24 марта 2014 г.) // URL: <http://tmun.utmn.ru/agenda>.

¹ Абдраимов Б. Ж. Указ. соч.

² Богачов А. Відкритий політичний світ — прихований демократичний етос // Філософська думка. 2009. № 1. С. 80–95.

Будучи укорененным в имманентных потребностях личности в саморазвитии и само-реализации, международное взаимодействие в таких областях, как культура, спорт, наука и образование, оказывается наиболее продуктивным и в то же время позволяет формировать наиболее прочные международные связи. Новые перспективы международного сотрудничества открываются как на уровне совместных междисциплинарных научно-образовательных проектов, так и в плане поиска инновационных средств и форм решения глобальных проблем и реорганизации современных международных отношений на основании объединяющих общечеловеческих ценностей.

Библиография

Andreeva A., Anisimova O., Bilenko Yu. and others. Post-crisis Global Economy: Restoration of Equilibrium: monogr. Kiev, 2013.

Angell N. Commercial Rivalry and International Relations // The Advocate of Peace (1894–1920). October, 1913. Vol. 75. № 9.

Morgenthau H. J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. N. Y., 1978.

Абдраимов Б. Ж. Межвузовское сотрудничество как ключевой фактор развития общего образовательного пространства: евразийское измерение // URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/4223>.

Богачов А. Відкритий політичний світ – прихований демократичний етос // Філософська думка. 2009. № 1.

Вестник Московской международной модели ООН (13–18 апреля 2014 г.) // URL: http://modelun.ru/?page_id=632.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2010.

Куприянова-Ашина В., Чанг Жу. Интернационализация в сфере высшего образования: российские подходы // Международные процессы. 2013. № 2. Т. 11; Сотрудничество и противоборство в мировой политике. 2013. Май – август.

Отчет о мероприятии «Екатеринбургская международная модель ООН» 28–30 ноября 2013 г. // URL: http://fir.ispn.urfu.ru/media/files/2014/01/%D0%9E%D0%A2%D0%A7%D0%95%D0%A2_%D0%95%D0%9C%D0%9C%D0%9E%D0%9E%D0%9D-2013.pdf.

Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ: URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/D23D45D62C00F78E44257B35002ACD50.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Официальный сайт Президента России: URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/05/216229.shtml>.

Победаш Д. Профессура правит миром: политический реализм и правящая элита США // Известия Уральского гос. ун-та. 2006. № 45.

Тюменская студенческая модель ООН-2014 (21–24 марта 2014 г.) // URL: <http://tmun.utmn.ru/agenda>.

Укрепление российско-финского сотрудничества в сфере науки и образования // Новости НИУ СПбГПУ: URL: http://nru.spbstu.ru/novosti/news_nru/news487.

Фромм Э. Ценности, психология и человеческое существование // Фромм Э. Искусство быть. М., 2013.

Шишкина О. Политика соседства или политика соседей? Россия и «западный фланг» СНГ // Теория в условиях неопределенности. 2012. № 3. Т. 10.

Энджелл Н. Великое заблуждение. Очерк о мнимых выгодах военной мощи наций. Челябинск, 2009.

В. В. Круглов*
В. В. Вараксин**

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Отмечены современные экологические проблемы, вызывающие необходимость совершенствования эколого-правового регулирования и деятельности органов государственной власти в области охраны окружающей среды. Представлена краткая характеристика Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Выделены задачи этой политики и меры, направленные на их достижение.

Ключевые слова: эколого-правовое регулирование, экологическая политика, экологическое развитие

Current environmental problems requiring improvement of ecological-legal regulation and activities of public authorities related to environmental protection are considered. A brief description of the Basis of state policy on environmental development of the Russian Federation up to 2030 is given. The authors mark out specific tasks of this policy and measures to achieve them.

Key words: ecological-legal regulation, environmental policy, environmental development

Современные изменения в государственно-правовой сфере, направленные на обеспечение инновационного развития промышленного производства, его экологически ориентированного роста, обуславливают необходимость повышения роли государства и права в регулировании природоохранной деятельности. Это связано с рядом таких экономико- и эколого-правовых факторов, как:

1) влияние глобальных экологических проблем: изменение климата, потеря биологического разнообразия, опустынивание и другие негативные для окружающей среды процессы. Следует также отметить возрастание экологического ущерба от стихийных бедствий и техногенных катастроф, загрязнение атмосферного воздуха, поверхностных и подземных вод, а также морской среды;

2) высокий уровень антропогенного воздействия на окружающую природную среду в Российской Федерации и ее регионах. Так, в 40 субъектах России более 54 % городского населения находится под воздействием высокого и очень высокого загрязнения атмосферного воздуха. Велик и объем сточных вод, сбрасываемых в поверхностные водные объекты без надлежащей очистки;

3) негативные для регионов экологические последствия прошлой производственно-хозяйственной деятельности промышленных предприятий. Практически во всех регионах сохраняется тенденция к ухудшению состояния почв и земель. Интенсивно развиваются процессы, ведущие к потере плодородия сельскохозяйственных угодий и к выводу их из хозяйственного оборота. Опустыниванием в той или иной мере охвачены земли 27 субъектов Российской Федерации площадью более 100 млн гектаров;

* Круглов Виктор Викторович – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург). E-mail: ecoland@usla.ru.

** Вараксин Валерий Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург). E-mail: ecoland@usla.ru.

4) рост количества производственных отходов, которые не вовлекаются во вторичный хозяйственный оборот, а направляются на размещение. При этом условия хранения и захоронения указанных отходов не соответствуют требованиям экологической безопасности.

Экологическое развитие страны вызывает необходимость модификации и повышения эколого-правовых требований к отдельным стадиям и видам хозяйственной деятельности промышленных предприятий в регионах.

В российском законодательстве выделяются общие и специальные эколого-правовые требования, а также многочисленные правовые меры организационного, экономического, идеологического характера и меры юридической ответственности, направленные на выполнение этих требований. Эколого-правовые требования и правовые меры тесно взаимосвязаны: они образуют единый правовой механизм охраны окружающей среды, нацеленный на своевременное решение экологических проблем в регионах. Этот тезис подтверждается и положениями Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденных 30 апреля 2012 г. Президентом РФ¹.

Реализовать государственную политику в области экологического развития Российской Федерации необходимо в опоре на Конституцию Российской Федерации; принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации; федеральные конституционные законы, федеральные законы, законы субъектов Российской Федерации; документы долгосрочного стратегического планирования, включая Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденную распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р².

Стратегической целью государственной политики в области экологического развития выступает решение социально-экономических задач, гарантирующее экологически ориентированный рост экономики страны и ее регионов; внедрение экологически эффективных инновационных технологий; сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений; реализацию права каждого человека на благоприятную окружающую среду; укрепление правопорядка в области охраны окружающей среды; экологическую безопасность, в том числе экологически безопасное обращение с отходами, а также восстановление нарушенных естественных экологических систем. Для достижения этой цели требуется решение ряда задач.

1. Совершенствование нормативно-правового обеспечения охраны окружающей среды и экологической безопасности, предполагающее:

а) принятие законодательных и иных нормативных правовых актов в целях реализации государственной политики в области экологического развития;

б) разработку структурно целостной, комплексной и непротиворечивой системы законодательства Российской Федерации в рассматриваемой области;

в) создание нормативно-правовой базы для внедрения и применения стратегической экологической оценки при принятии планов и программ, выполнение которых может оказать воздействие на окружающую среду;

г) усиление ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации об охране окружающей среды и обеспечение неотвратимости наказания за экологические преступления и иные правонарушения.

2. Формирование эффективной системы управления в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, предусматривающей взаимодей-

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

ствии и координацию деятельности органов государственной власти. В частности, необходимы:

а) совершенствование системы государственного экологического мониторинга и прогнозирования чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также изменений климата;

б) научное и информационно-аналитическое обеспечение охраны окружающей среды и экологической безопасности;

в) предоставление гражданам, общественным объединениям, некоммерческим организациям и бизнес-сообществам возможности продуктивно участвовать в решении вопросов, связанных с охраной окружающей среды и обеспечением экологической безопасности.

3. Развитие экономического регулирования охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, в том числе:

а) установление платы за негативное воздействие на окружающую среду с учетом затрат, связанных с осуществлением природоохранных мероприятий;

б) замена взимания платы за сверхлимитное загрязнение окружающей среды возмещением вреда, причиненного окружающей среде;

в) формирование рынка экологичной продукции, технологий, оборудования и природоохранных услуг;

г) поощрение деятельности по сбору, сортировке и использованию отходов в качестве вторичного сырья и энергоносителей;

д) стимулирование предприятий, осуществляющих программы экологической модернизации производства и экологической реабилитации соответствующих территорий;

е) широкое применение государственно-частного партнерства при государственном финансировании мероприятий по оздоровлению экологически неблагополучных территорий, ликвидации экологического ущерба, связанного с прошлой экономической и иной деятельностью;

ж) поддержка технологической модернизации, нацеленной на уменьшение антропогенной нагрузки на окружающую среду, а также неистощительное использование возобновляемых и рациональное использование невозобновляемых природных ресурсов;

з) стимулирование привлечения инвестиций для обеспечения рационального и эффективного использования природных ресурсов, уменьшения негативного воздействия на окружающую среду, производства экологически чистой продукции, внедрения ресурсосберегающих технологий, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации об охране окружающей среды;

и) поэтапное внедрение системы декларирования соблюдения экологических требований и проведения экологического аудита;

к) повышение экологической и социальной ответственности бизнеса в рассматриваемой области.

4. Повышение уровня экологической культуры, развитие системы экологического образования и воспитания, что подразумевает:

а) формирование у всех слоев населения, прежде всего у молодежи, экологически ответственного мировоззрения;

б) государственную поддержку распространения через средства массовой информации сведений экологической и ресурсосберегающей направленности, внесение вопросов экологической культуры, экологического образования и воспитания в государственные, федеральные и региональные программы;

в) включение в новые государственные образовательные стандарты вопросов охраны окружающей среды, а также требований к формированию основ экологической грамотности у обучающихся; обеспечение направленности воспитания и обучения в образовательных учреждениях на выработку экологически ответственного поведения;

г) государственную поддержку деятельности образовательных учреждений, осуществляющих обучение в области охраны окружающей среды;

д) развитие системы подготовки и повышения квалификации в изучаемой области руководителей организаций и специалистов, ответственных за принятие решений при осуществлении экономической и иной деятельности, которая оказывает или может оказать негативное воздействие на окружающую среду.

Выполнение указанных задач потребует серьезных экономических, организационных усилий, целенаправленной работы органов государственной власти на всех уровнях и поддержки гражданского общества и профессионального юридического сообщества.

Библиография

Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30 апреля 2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

S. Dinov*

THE FRAMEWORK OF THE EUROPEAN FINANCE AND BANKING REGULATION

Weaknesses in the implementation of financial supervision, the extensive harmonization of banking laws and the financial and eurozone crises have forced the EU Member States to reform financial supervision. In 2011 the EU introduced a new financial supervision system, and in September 2012 proposals for establishing a Single Supervisory Mechanism (SSM) were revealed. The present article seeks to analyse the changes, problems and possibilities for improvement of the new financial supervision system and to give a brief account of potential long-term prospects.

Key words: Banking union, ESFS, ESRB, ESM, financial, debt crisis, reform, regulation, SRM, SSM, System Banking Supervision

Недостатки в осуществлении финансового надзора, а также гармонизация банковского законодательства и кризисы в зоне евро привели государства-членов ЕС к необходимости реформирования финансового надзора. В 2011 г. в рамках ЕС была введена новая система финансового надзора, и уже в сентябре 2012 г. выдвинуты предложения по созданию единого механизма контроля (SSM). Настоящая статья — результат анализа изменений, проблем и возможностей улучшения новой системы финансового надзора. Описаны потенциальные долгосрочные перспективы.

Ключевые слова: Банковский союз, Европейская система финансового надзора, Европейский совет по системным рискам, европейский стабилизационный механизм, финансовый и долговой кризис, реформа, регулирование, единый механизм регулирования, единый механизм контроля, система банковского надзора

1. Introduction: Weaknesses in the current supervision system

The current bank supervision system, which is based on the concept of minimum harmonisation and the country of origin principle, has certain disadvantages. A lack of legal harmonisation raised the potential for distortion of competition in the internal market. Credit institutions carrying out banking transactions and financial services on a cross-border basis must comply with different national permit schemes. Financial control procedures at state level differ from one another and refer to different institutions and criteria. Even harmonised rules may be implemented in different ways by the supervisory bodies of each Member State, as their authority and jurisdiction vary. At the same time, national institutions do not follow a common practice of supervision¹ due to their right of discretion in decision-making, granted by the European legislation. Consequently, regulatory arbitrage and distortion of competition result from these differing approaches. The onset of the European financial and debt crisis in 2009 revealed discrepancies between national supervisory procedures and the new economic realities, and clearly demonstrated that the current supervisory system is unable to respond adequately to the new emerging challenges.

* Dinov Stanyo — Master of Law (Heidelberg), PhD student at the Institute for German and European Company and Commercial Law at the Ruprecht Karl University (Heidelberg). E-mail: stdinov@gmx.de.

¹ Speyer B. Internationalisierung von Bankgeschäft und Bankenaufsicht // Pitschas R. Integrierte Finanzdienstleistungsaufsicht. Berlin, 2002. P. 83.

2. Introducing a new financial supervision system in September 2011 (*de lege lata*)

The need for a change in the current supervision system pushed the European Commission to seek reform in the financial sector. On 24/25 September 2009 in the context of the European financial crisis and the early attempts at creating a better supervision system, the European Commission unveiled a proposal for a new system of single financial supervision, in accordance with the right granted to it by Article 17 (2) TFEU. The European Commission's decision was based on the findings and proposals of *Jacque de Larosiere's*¹ group. The new financial supervision system was built upon the two following pillars: the European Systemic Risk Board (ESRB) and the European System of Financial Supervision (ESFS).

The ESRB is hosted by the European Central Bank (ECB) and was appointed to succeed the Committee on Banking Supervision. It is responsible for macro-prudential oversight and for monitoring the financial position of banks and identifying potential problems with market functionality or unfavourable developments in capital flows. Once a risk is identified, the Board issues recommendations for the affected governments. The ESRB does not hold any binding decision-making powers as regards the implementation of the recommendations. The ECB provides the Secretariat of the ESRB, which is responsible for holding meetings and preparing necessary information. In addition, it also carries out the functions and analyses of the Board as well as cooperation with international expert committees². Under Article 5 (1) sentence 1 of the Regulation on ESRB³, the ESRB is to be chaired by the President of the ECB for a five-year term.

The President and Vice-President of the ECB are represented as members with voting rights in the General Board – the decision-making body of the ESRB⁴. In addition, the Vice-President of the ECB is represented in the Steering Committee of the ESRB, and there is an ECB representative in the Advisory Scientific Committee of the ESRB⁵. The ECB has consequently become heavily involved in macro-prudential oversight. The establishment of the ESRB has created an additional institution responsible for carrying out macro-prudential supervision. Thus, macro-prudential supervision, once spread out over different levels, has been consolidated.

The ESFS, the second pillar, is responsible for micro-prudential supervision. In contrast to the ESRB, the ESFS has legal competence in respect of national financial supervision. The ESFS forms an integrated network of European financial supervisory authorities. The system is composed of one joint committee, the three committees of the European supervisory authorities, and also the national supervisory authorities of the Member States. Consequently, the ESFS comprises an alliance of supervisory authorities, both on a national and a European level. The three EU supervisory authorities are to work in cooperation with the national supervisors, mediate in the event that disputed matters arise between national supervisory authorities and, in the event of a crisis, take decisions on

¹ Report by *Jacque de Larosiere Group* on 25 February 2009. P. 45 et seq. Para. 160 // URL: http://ec.europa.eu/internal_market/finances/docs/de_larosiere_report_en.pdf. The Report found that the European financial market was in need of strong, integrated regulation and supervision. In the view of the Group, there is a lack of appropriate and effective supervision at the macro level, which should encompass all areas of finance and not just the banks. According to the Report, the ECB can effectively exercise its proposed functions within the scope of the European System of Central Banks, provided that a functioning and applicable mechanism is introduced by which mechanism it can be reviewed whether concrete measures are followed in accordance with the analysis of the risks at the macro level taken by the new European authorities and the national supervisory bodies.

² *Eriksson A.* Einheitlicher Europäischer Bankenaufsichtsmechanismus // URL: <http://www.bundestag.de/dokumente/analysen/2013/Bankenaufsichtsmechanismus.pdf>. P. 10.

³ Regulation (EU) № 1092/2010 of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 on European Union macro-prudential oversight of the financial system and establishing a European Systemic Risk Board // OJ. 2010. 15 December. L 331/1 (ESRB Regulation).

⁴ Article 6 (1) (a) ESRB Regulation.

⁵ Article 11 (b), Art. 13 (1) (a) ESRB Regulation.

their own, as they are entitled to issue recommendations to the supervisory authorities of the Member States. These authorities do not have the right to issue directions to Member State governments or to draw up bailout plans for banks by way of loan guarantees or borrowing capital¹. The aim of the ESFS is to lead and to coordinate the work of national supervisors and to secure collaboration between macro and micro levels and coordination between different national supervisory authorities².

The system functions properly if the ESRB is able, earlier on, to identify potential risks and to issue the necessary recommendations to the General Board and similarly to the three supervisory authorities of the ESFS.

Accordingly, the ESFS passes information on micro-prudential supervision to the ESRB. In this fashion these two structures, which do not have their own legal capacity, are to be strictly separated from each other as regards their basic functions. The aim of the system is to harmonize the substantive supervision standards of the Member States and to create a single supervision authority under the direction of the European Central Bank. However, some critics claim that the establishment of such a system will make sense only once the new supervisory authorities acquire more powers in order to be able to provide effective crisis prevention at a state level³.

2.1. The Role of the European Central Bank

In accordance with *de Larosiere* report, the ECB will be given an important role to play in the new ESFS at both a macro and micro level. At the macro level, it is to analyze the stability of the financial system and to develop early warning systems for potential risks and weaknesses in the financial system. The ECB will provide the ESRB with all necessary logistical support and give evaluation and recommendations in respect of macro-prudential supervision. At the micro level, the ECB will assume direct control over trans-border EU credit institutions. The ECB will not be responsible for the supervision of individual banks. In the event of a conflict between national supervisory authorities, the ECB can play the role of a binding mediator. Within the framework of the ESFS, the ECB will have a consulting function on matters concerning bank law in accordance with Article 127 (6) TFEU and Article 4 (a) of the Statute of the European System of Central Banks and of the ECB. In order to perform the duties assigned to the ESCB, the ECB may, in accordance with Article 132 (2) TFEU, exert influence on the Member States by means of regulations, decisions, recommendations and opinions.

2.2. Assessment

The new supervision system seeks to consolidate the fractured elements of European financial supervision. Nonetheless, the fact that responsibility for financial supervision is divided over different bodies at the supra-national level and that decentralized supervision structures are preserved at the national level demonstrate that the concept is not one of a centralised supervision system. In addition to the ESRB and the ESFS, there are further European bodies and committees that are responsible for financial supervision on the European level, thus leading to overlapping functions. Under Article 134 TFEU, the European Commission, the European Parliament, the European Council, the ECB, and the Economic and Financial Committee are all involved in financial supervision in the EU.

¹ See: *McCreevy C.* The statement of the European Commissioner for Internal Market and Services 23 September 2009, the EU wants to get serious on stricter supervision // URL: http://www.focus.de/finanzen/news/eu-eu-will-mit-strenger-finanzaufsicht-ernst-machen_aid_438258.html.

² *Walla F.* Die Europäische Wertpapier- und Marktaufsichtsbehörde (ESMA) als Akteur bei der Regulierung der Kapitalmärkte Europas – Grundlagen, erste Erfahrungen und Ausblick // Zeitschrift für Bank und Kapitalmarktrecht. 2012. P. 265, 266.

³ *Riecke T.* Finanzaufsicht, Farbe bekennen // Handelsblatt. 2009. 23 September. P. 1; *Mangler-Nestler C.* Rechtsschutz in der europäischen Bankenaufsicht // Zeitschrift für das gesamte Kreditwesen. 2012. № 10. P. 38.

In respect of certain tasks such as the prevention, management and resolution of crises, as well as the development of strategies and securing financial stability, the Economic and Financial Committee and the ESRB display similar functions.

In terms of structure, the new financial supervision system lacks one legal body which can assume responsibility for all issues of financial supervision. A single European central financial supervisory authority responsible for all these matters has not been established. The system leaves the impression that, instead of a reduction in the large and diverse administrative regime, the reform consists rather of restructuring the financial supervisory bodies at a supra-national level. The system focuses on the regulation of financial markets at a European level, whereas supervision of compliance with regulatory standards, which has proved to be quite problematic, remains with the Member States. This approach has proven insufficient over the course of the financial crisis¹.

The powers of the European Banking Authority (EBA) are to be specified under the new system. The authority has «soft law» competences at its disposal; hence, it can take measures such as issuing guidelines and proposals, but it does not have any powers of enforcement, because sanctions have not been provided for². As regards the national supervisory authorities, it holds the right to intervene where these cannot reach an agreement on the means of financial regulation as well as in the event of a crisis. In addition, under Article 21 (4) of the Regulation on the EBA, the Authority is granted powers in the event of disputes between national authorities. This raises the question of the cases in which the EBA may intervene in respect of national authorities where this power is granted to the Commission under Article 33 (2) of the Banking Directive³. The Banking Directive extends this power of the Commission to the entire EEA zone, whereas the EBA has no competence in respect of the EEA states. These fields of competence should be clarified further.

3. Commission proposals for reform of European banking supervision (de lege ferenda)

For the purposes of reforming the current bank supervision system and against the backdrop of the European debt crisis, the European Commission issued two proposals: one regarding the establishment of a European Banking Union and the other for the establishment of a Single Resolution Mechanism for the Banking Union. This will be the means of establishing a single centralised banking supervision system. The three cornerstones would be centralised supervision, conducted by the ECB, and also European legislation on bank resolution and on single deposit insurance⁴. These two reform proposals will therefore cover the initial two steps of the project.

3.1. Proposal of the European Commission for the establishment of a banking union on 12 September 2012 and the agreement on the part of the European Council on 12 December 2012

On 29 June 2012 the heads of state and of government of the eurozone decided at a high-level meeting to introduce a Single Supervision Mechanism (SSM) under the control

¹ Eriksson A. Op. cit. P. 5.

² Under certain exceptional situations the EBA may, according to Recital (29) to the EBA Regulation, issue binding legal acts in the form of decisions. See, Regulation (EU) № 1093/2010 of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 establishing a European Supervisory Authority (European Banking Authority), amending Decision № 716/2009/EC and repealing Commission Decision 2009/78/EC // OJ. 2010. 15 December. L 331. P. 12. The decision will be issued via a three-stage mechanism, a complex cooperation between the EBA and the Commission. At the initial stage, the EBA will issue a recommendation. At the second stage the Commission will make a formal submission to the national authorities, and at the third stage the EBA will issue the decision.

³ Directive 2006/48/EC of the European Parliament and of the Council of 14 June 2006 relating to the taking up and pursuit of the business of credit institutions // OJ. 2006. 30 June. L 177. P. 1.

⁴ EU continues bickering on the banking union. P. 2 // URL: <http://www.handelsblatt.com/politik/international/deutschland-bremst-eu-zankt-sich-weiter-um-bankenunion/8201096.html>.

of the ECB, pursuant to Article 127 (6) TFEU. This was the first step towards establishing a financial as well as a banking union. The banking union's major purpose is not only to harmonise substantive regulation but also to implement single banking supervision within the framework of the ESFS¹. On the basis of the proposals issued at that meeting and those of the *de Larosiere* Report, the European Commission issued two proposals for regulations on 12 September 2012 – one conferring specific tasks on the ECB² and the other concerning the amendment of the EBA Regulation³, as well as a schedule for the banking union⁴ on the establishment of a single supervision mechanism in Europe. The new banking union is to improve integration on both the economic and finance levels of all EU Member States and of the European Economic and Monetary Union. Each Member State in need of international financial aid has to meet the political requirements, including extensive requirements in respect of the financial sector. According to the Commission, the result would be the consolidation of supervision by the EBA in the direction of highly centralised management⁵.

3.1.1. Proposal of the European Commission for conferring supervision tasks on the ECB

According to the proposal of the European Commission, the ECB is to be granted the competence to take final decisions regarding bank supervision issues. In further spheres of bank supervision, it will take over the role of the national supervision authorities⁶. The ECB is to have unlimited powers of intervention in respect of all credit institutions and hold various powers to request information, to carry out investigations or inspections, or to impose sanctions⁷. The national supervision authorities will retain competence over all tasks that have not been conferred on the ECB, for example consumer protection, fighting money laundering, and supervision of banking institutions from third states⁸. The imposition of sanctions will be divided up between the ECB and the national supervision authorities. Initially, the ECB will supervise only large, systemically important credit institutions, and after the end of the one-year transitional term it will take over the supervision of smaller institutions as well. The European Commission justifies this thorough supervision model on the basis that smaller credit institutions have a significant negative impact over the overall financial stability of the Union. Bank branches of non-SSM states which, under Article 4 (2) of the proposed Regulation, are situated within the territory of an SSM member state, will also be subject to the supervision of the ECB. Under Article 6 (2) (a) and (b) of the proposed Regulation, all EU countries outside the eurozone can establish close cooperation with the ECB within the context of the SSM, provided that they meet the relevant conditions. They will be obliged to comply with the guidelines and requests of the ECB and to provide information concerning particular credit institutions and to enact national legislation.

¹ Eriksson A. Op. cit. P. 5.

² Proposal for a Council Regulation conferring specific tasks on the ECB concerning policies relating to the prudential supervision of credit institutions dated 12 September 2012, COM (2012) 511 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0511:FIN:EN:PDF>.

³ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EU) № 1093/2010 establishing a European Supervisory Authority (European Banking Authority) as regards its interaction with Council Regulation (EU) № .../... conferring specific tasks on the ECB concerning policies relating to the prudential supervision of credit institutions, dated 12 September 2012, COM 2012 (512) // URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0512:FIN:EN:PDF>.

⁴ Communication from the Commission to the European Parliament and the Council: A Roadmap towards a Banking Union, COM (2012) 510 final, dated 12 September 2012 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0510:FIN:EN:PDF>.

⁵ MEMO/12/662, Commission proposes a package for banking supervision in the eurozone – frequently asked questions, dated 12 September 2012 // URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-12-662_en.html.

⁶ Eriksson A. Op. cit. P. 16.

⁷ Article 19–12, 15 of the proposed Regulation conferring specific tasks on the ECB.

⁸ Recital (22) and Article 4 (4) of the Commission's proposal ECB.

Provided they do this, their national supervision authorities will retain bank supervision over local credit institutions.

In order for the activities of the ECB to be strictly divided into two sets – banking supervision and monetary policy – Article 19 (2) of the proposed Regulation provides that an Internal Supervision Committee be established. It would consist of four representatives of the General Board of the ECB and a representative from each Member State of the EU, and the body would have only limited authority as to the planning and execution of bank supervision tasks. According to Article 19 (3) of the proposed Regulation, the Governing Council of the ECB is to delegate clearly defined tasks to the Supervisory Board, subject to the oversight and responsibility of the Governing Council.

The question of whether supervision should be subject to the control of the ECB and, more specifically, whether Article 127 (6) TFEU is a suitable basis for conferring banking supervisions tasks on the ECB was and remains a disputed question¹. Under Article 127 (6) TFEU as well as Article 25.2 of the Statutes of the ESCB, the ECB can be conferred «specific tasks» regarding the supervision of credit institutions. The provision deals with the monetary policy of the EU, and it should be considered as granting limited competence to the ECB in respect of bank supervision. Such a supervision duty does not constitute a complete transfer of banking supervision over to the ECB, but rather a set of particular obligations in the form of supervision competences with the right of veto². With the ECB's authorisation as a central EU banking supervisory authority, counter-arguments such as the conflict of objectives between supervision and monetary policy, the differences between euro and non-euro Member States, as well as EFTA states, the lack of democratic legitimatisation in the event of interventions, and the formation of a super-authority have to be taken into account. On these grounds, Article 127 (6) TFEU can be a legal basis for transferring of «specific tasks» regarding banking supervision to the ECB, but it cannot be a basis for transferring banking supervision in its entirety to the ECB.

3.1.2. Proposal of the European Commission for amendment of the EBA Regulation

The new EBA regulation³ proposed by the European Commission seeks to adapt the procedures of the European Banking Authority to the newly formed supervision structures, including the status of the ECB as a banking supervision authority⁴. The concept of competent authorities, which previously only referred to national authorities, is extended to include the ECB. The proposed EBA Regulation governs the relationship between ECB and EBA. Under Article 18 in the case of a crisis and under Article 19 in the case of conflicting statements issued by national supervisory authorities, it provides that the ECB has the right to refuse to comply with a request for action by the EBA upon stating the justification. In addition, it is planned that, in the event of a breach of EU law by any supervisory authority pursuant to Article 17, or in the event of differences of opinions of the supervisory authorities pursuant to Article 19 of the EBA Regulation, an independent panel will be established from the Supervisory Board, consisting of the Chairperson and two other members of the Supervisory Board⁵. This seeks to avoid a situation in which the EU States participating in the SSM hold a minority blocking veto⁶. In this connection, the composition of the General Board is thus to be changed such that two members come from EU Member States that are not part of the SSM⁷.

¹ Berschens R., Sigmund T. Juristische Bedenken gegen Euro-Bankenaufsicht wachsen // Handelsblatt. 2012. 20 October. P. 15. According to the opinion of the legal service of the European Council, the ECB «oversteps» the possibilities under the EU Treaties. Therefore, the EBA must be subject to the ECB.

² Glatzl S. Geldpolitik und Bankenaufsicht im Konflikt. Baden-Baden, 2009. P. 257.

³ EBA Regulation.

⁴ Eriksson A. Op. cit. P. 18.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 19.

⁷ Article 1 (8) of the proposed EBA Regulation. P. 11.

3.1.3. Requirements of the European Parliament

In the conclusions by the European Parliament on 18/19 October 2012, the head of states and prime ministers called on legislators to react the European Commission's proposal for new supervisory legislation. It was followed by a commitment to reach an agreement by 1 January 2013 on the disputed issues of the legal grounds for the establishment of the banking union and a strict division between monetary political and supervisory functions of the ECB, in addition to ensuring equitable treatment and representation of both euro and non-euro area Member States participating in the SSM¹. The European Parliament demanded amendments as regards the types of supervised credit institutions and the collaboration between the ECB and the national supervisory authorities. The European Parliament also insisted that a Board of Appeal that would settle all the appeals against decisions of the ECB be established and that an express provision be inserted to the effect that proceedings can be brought before the Court of Justice of the European Union contesting a decision taken by the Board of Appeals under Article 263 TFEU². In order to strictly separate monetary policy functions from the supervisory functions of the ECB, staff involved in supervision are to be organisationally separated from other staff. The Parliament would also be granted a right of approval in respect of the appointment of the Chair and Vice-Chair of the Supervisory Board³. In order to protect the best interests of the countries which are not a part of the Banking Supervision Mechanism, the qualified majority for decisions taken by the Supervisory Board of the European Banking Authority are to include at least half of the Member States included in the ECB supervisory mechanism as well as half of the Member States not taking part in it⁴.

3.1.4. Political Agreement in the European Council

The proposals for new banking regulation, issued by the European Commission, have been met by criticism from some quarters⁵. The political agreement of the Member States on the establishment and the design of the Single Supervisory Mechanism (SSM) was only reached on 12 December 2012 in the Council of Economic and Financial Affairs⁶. On the basis of the proposals of the European Commission and taking into consideration in part the proposals for amendments of the European Parliament, the Member States came to an agreement in the Council of Economic and Financial Affairs on conferring specific tasks on the ECB⁷ and on a proposal for an amendment of the EBA⁸. Under the agreement, the ECB is to

¹ Conclusions of the European Council dated 18/19 October 2012, EUCO 156/12. P. 7 // URL: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/12/st00/st00156.en12.pdf>.

² Article 15a and 15b of the M. Thyssen Report // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+REPORT+A7-2012-0392+0+DOC+PDF+V0//EN>.

³ Eriksson A. Op. cit. P. 21; Art. 19 M. Thyssen Report.

⁴ Article 1 VII of the Report on proposal of the European Commission for amendment of the EBA Regulation, S. Giegold // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+REPORT+A7-2012-0393+0+DOC+PDF+V0//EN> (in relation to Art. 44 of the European Banking Authority).

⁵ Eriksson A. Op. cit. P. 6, 19; The President of the German Federal Bank takes a stand against banking supervision from inside the ECB // URL: <http://www.m.faz.net/aktuell/wirtschaft/bundesbank-prae-sidentweidmann-macht-front-gegen-bankenaufsicht-unter-dach-der-ezb-11906411.html>; submission of Deputy Meister and others and the CDU/CSU party as well as Deputy Vising and others and the FDP party on 25 September 2012 // BT-Drs. 17/10781; discussions at the session of the German Bundesrat dated 19 October 2012 // BR-Drs. 546/12 and the protocol of the meeting of 19 October 2012 (631. EC). P. 11 et seq. A disputed issue was the supervision of small credit institutions lacking systemic relevance, although such institutions may create systemic risks for the eurozone (Handelsblatt. 2012. 19 September; URL: <http://www.handelsblatt.com/unternehmen/banken/ezb-kontrolle-sparkassen-geben-der-bankenaufsicht-den-kleinen-finger/7156230.html>; Brandt T. O., Gieseler K. Vorschläge der EU-Kommission zur einheitlichen Bankaufsicht in der Eurozone // Betriebs-Berater. 2012. October. P. 2646, 2650).

⁶ Eriksson A. Op. cit.

⁷ URL: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/12/st17/st17812.en12.pdf>. Since 29 October 2013 a Council Regulation (EU) № 1024/2013 // OJ. 2013. 29 October. L 287. P. 63.

⁸ Since 29 October 2013 Regulation (EU) № 1022/2013 // Ibid. P. 5.

undertake the supervision of the important banks only, i. e. those with a balance sum of 30 billion euros or where they exceed the gross national product of a Member State by 20 %¹. The supervision of the small credit institutions is to be subject to the national authorities. The ECB will issue guidelines and instructions for the supervision of the small institutions to the national authorities and, according to Article 5 (5) (b) of the proposed ECB Regulation, it can itself directly exercise supervision of these credit institutions at any time. The ECB is responsible for the effective and harmonious functioning of the Supervisory Mechanism. The practical modalities of implementation of the supervision are to be organised via consultation between the ECB and the national authorities².

The proposed Regulation also adds the option for the non-euro Member States to unilaterally terminate their participation in the SSM in the case that they do not agree with the SSM's decisions.

In respect of the separation of the functions of the monetary policy and supervision, the proposals of the European Commission are amended and supplemented with new provisions. The reason was that the existing ECB decision-making organs cannot guarantee this. According to the proposed ECB Regulation, in addition to the existing Governing Council of the ECB and the Executive Board, the following three new bodies are to be added: a Supervisory Board, a Panel of Review and a Mediation Panel. The planning and the execution of the tasks conferred upon the ECB must be undertaken by the Supervisory Board³. It is to provide full draft resolutions to the Governing Council of the ECB for supervisory decisions. The Governing Council of the ECB thus continues to have decision-making powers in respect of supervision. The Supervisory Board is composed of representatives of the ECB appointed by the Executive Board of the ECB and representatives of the competent authorities of the Member States. The members of the Governing Council of the ECB must elect the Chairperson of the Supervisory Board from the bank ECB Directorate and the Vice-Chairperson from the members of the ECB Executive Board⁴. This, however, raises the question of whether there is sufficient division between the banking supervision and the monetary policy when a person who is a member of the Governing Council of the ECB, which determines the monetary policy of the EU, is also able to influence the decisions of the Supervisory Board.

A deviation from the European Commission's proposals is a Review Panel that consists of supervisory experts from the Member States who are not simultaneously supervisory authority personnel⁵, and that is to be responsible for reviewing the Supervisory Board's decisions pursuant to Article 17b of the proposed Regulation.

A new Mediation Panel for ensuring strict segregation of the monetary-political and supervisory functions pursuant to Article 18 of the proposed Regulation is also to be established.

The Mediation Panel will resolve differences of views expressed by the competent authorities of concerned participating Member States regarding an objection of the Governing Council to a draft decision by the Supervisory Board⁶. To ensure a separation of operative functions, meetings and agendas of the Governing Council are to be kept strictly separate pursuant to Article 18 (3a) of the proposed Regulation, and representatives elected from the Governing Council on the Supervisory Board are to be barred from exercising monetary-political functions within the ECB⁷.

¹ Article 5 (4) (a) of the proposed ECB Regulation. P. 32.

² Article 5 (7) of the proposed ECB Regulation.

³ Article 19 (1) of the proposed ECB Regulation.

⁴ Article 19 (2) of the proposed ECB Regulation.

⁵ Article 17b (1) of the proposed ECB Regulation.

⁶ Article 18 (3b) of the proposed ECB Regulation.

⁷ Article 19 (2a) sentence 1 of the proposed ECB Regulation.

In addition to the proposed Regulation on the ECB, the Member States also agreed on the amendment to the EBA Regulation in the Council of Economic and Financial Affairs. In accordance with the agreement, the preparation for the exercise of powers of intervention and instruction of the European Banking Authority shall be performed by an independent panel, under Articles 17, 18 and 19 of the EBA Regulation¹. It is to be composed of the Chairperson of the Board of Supervisors and six other members, who are not representatives of the competent authority, because, in the case of Article 17 (breach of Union law) they are alleged to have breached Union law or, in the case of Article 19 (differences in opinion between national authorities), they are parties to the differences in opinion between the national authorities. The amendments proposed by the Commission to the provision on the relationship between the EBA and the ECB in accordance with Articles 18 and 19 of the proposed EBA Regulation were not adopted². In this respect, the ECB is not to have a special role in respect of the national authorities, but rather it would also be subject to the powers of instruction of the EBA, subject to the requirements of Article 18 of the EBA Regulation³. The national banking supervisors will be in control of market and solvency supervision, whereas the task of the EBA is to execute the coordination procedure for the SSM.

3.1.5. Problematic issues

The proposal of the EU Commission for the establishment of a banking union under the direction of the ECB was introduced on the basis of Article 127 (6) TFEU. There remains the question whether, after the agreement in the Council of Economic and Financial Affairs, the proposal is covered by this principle of competence and whether the tasks transferred to the ECB can fall under the notion of «specific tasks» in Article 127 (6) TFEU⁴. Establishing banking supervision at the European Central Bank is also associated with problems such as: the hierarchical relationship with the EBA, the current absolute independence of the ECB in respect to its monetary-policy functions, the priority of these tasks under Article 127 (1) sentence 1 TFEU, and with the decision-making structures of the ECB. In this regard, the transfer of banking-supervision enforcement powers to the ECB is closely intertwined with the competence for substantive EU legislation.

3.1.5.1. Article 127 (6) TFEU

As already mentioned, Article 127 (6) TFEU is not a sufficient basis for transferring all banking supervision to the ECB⁵. Based on a grammatical interpretation of Article 127 (6) TFEU, it refers to «specific» and not to «the» or to «all» supervisory functions. In addition, in accordance with a historical interpretation, the Member States, at the treaty negotiations of Maastricht, rejected the demand of the managers of the central banks for participation of the ECB in banking supervision, and, as a compromise, the possibility of participation of Article 127 (6) TFEU was adopted, provided the Council unanimously agreed to such participation⁶. Under the proposal of the European Commission, the ECB will not take over all banking supervision duties, as the supervision of small and systematically irrelevant credit institutions in the eurozone will remain under the control of the Member States. It is unclear whether of Article 127 (6) TFEU allows the ECB to take over this supervision as well. In accordance with the wording of Article 127 (6) TFEU, it is not expressly laid down that core competences must remain with the Member States. Moreover, based on a teleological interpretation, it can at most be concluded that the provision seeks to rule out the

¹ Article 1 (5) of the proposed EBA Regulation // URL: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/12/st17/st17813.en12.pdf>.

² See: 2nd Commission proposal for amendment of the EBA Regulation.

³ Eriksson A. Op. cit. P. 25 et seq.

⁴ Ibid. P. 27.

⁵ See: 1st Commission proposal for conferring specific tasks to the ECB.

⁶ Glatzl C. Op. cit. P. 257.

entire transfer of banking supervision to the ECB¹. The ECB was granted direct powers of supervision, investigation and sanctions under Article 8 of the proposed ECB Regulation. In addition to the supervision of systemically relevant credit institutions assigned to it, it can extend its assigned powers to one or more small credit institutions under Article 5 (5) (b) of the proposed ECB Regulation². The wording «one or more» does not include all such institutions; therefore, it cannot be considered to be full banking supervision by the ECB. In any case, certain supervisory powers remain with the supervisory authorities of the Member States, and the ECB is mainly focused on the systematically relevant credit institutions. Therefore, the proposed Regulation can be based upon Article 127 (6) TFEU in the sense of «effet utile».

It is also questionable whether the Supervisory Board, which was not provided for until now, can be established along with the Governing Council of the ECB and Executive Board. In respect of the division of monetary policy from supervision, the provision raises significant doubt in respect of the primary objective of price stability of the ECB in accordance with Article 127 (1) sentence 1 TFEU, and the decision-making power of the Governing Council of the ECB. During the negotiation process in the Council of Economic and Financial Affairs, it was found that the establishment of a Supervisory Commission was in breach of Article 13 (2) TEU³. According to the provision, each organ of the EU must act in accordance with the procedures determined in treaties. The decision-making organs of the ECB, in accordance with Article 129 (1) TFEU in conjunction with Article 9.3 of the Statutes of the ECB, are the Governing Council of the ECB and the Executive Board. As no provision is made for an amendment of these organs and their procedures or voting rules, the Commission's proposal exceeds the powers held by the Council pursuant to Article 127 (6) TFEU.

On the other hand, a conflict of objectives between the monetary policy and supervisory functions should be avoided. Under the two current bodies, this cannot be guaranteed. In this regard, Article 127 (6) TFEU can be understood in the sense that the transfer of «specific tasks» of banking supervision to the ECB provides the European Council with an opportunity to introduce such an organ for this purpose. In addition, the new Supervisory Board will not have the power to take decisions itself, but rather it will prepare decisions which are reserved for the ECB⁴.

It should also be clarified to what extent the decisions of the Mediation Panel will have to be binding, especially if the Governing Council of the ECB has the final decision-making power in relation to supervisory decisions. If the view that Article 127 (6) TFEU does not establish a new decision-making body is followed, the decisions of the Mediation Panel should not be of a binding nature. Therefore, it can be argued that Article 127 (6) TFEU may be invoked as a legal basis under such circumstances.

3.1.5.2. Competences of the EBA, the ECB and the ESRB

As the EBA was introduced as a central European banking authority, the question now arises as to the ECB's role in respect of supervision. The *De Larosiere* Report envisaged only the mediation functions of the ECB when dealing with conflicts between the national supervisory authorities⁵, whereas according to Article 33 (2) of the Banking Directive this power is granted to the European Commission. The EU Commission likewise has the last word when it comes to drafts relating to the binding technical standards of the European Banking Authority⁶. According to the Commission's proposal, the ECB will initially take

¹ Eriksson A. Op. cit. P. 29.

² Notwithstanding the provisions defining significant credit institutions, the ECB is in any case to undertake supervision in respect of the three most significant credit institutions in each of the participating Member States, under Article 5 (4) (b).

³ Eriksson A. Op. cit. P. 29. Opinion of the legal service of the European Council dated 9 October 2012.

⁴ Ibid. P. 30.

⁵ The De Larosiere Report. P. 49. Para. 170.

⁶ Article 10 (1) (8), 15 (1) (7) of the EBA Regulation.

over only the role of the national supervisory authorities within the eurozone, whereas the harmonization of the banking sector in the whole EU and the introduction of a uniform supervisory practice will remain under the control of the European Banking Authority. Thus, on a European level, the ECB will have the same relationship towards the European Bank Supervision Authority as towards the national authorities of the non-eurozone Member States. In terms of hierarchy it will be under the EBA. In order to differentiate the functions of both authorities, a suggestion was raised to leave the operative supervision of credit institutions to the ECB, whereas decisions on the permission, dissolution or restructuring of institutes would be reserved for the EBA¹. A similar idea existed for the division of banking supervision between the ECB and the European Stability Mechanism (ESM)². At the same time, when making a comparison between the ESRB and the ECB, it is apparent that the two institutions have similar functions concerning the macro-prudential supervision and the associated information-gathering. However, unlike the ESRB, the ECB can directly collect the statistical data required to exercise its functions from the national authorities, according to Article 5.1 of its statutes with the support of the national central banks. Thus, unlike the ESRB, the ECB has greater access to information, without being involved in the procedure of information acquisition, as Article 15 of the Regulation on the ESRB envisages for the ESRB. In contrast to the ECB, the ESRB does not have legal personality, which means that the ESRB is capable of taking action only through the ECB. The ECB is hierarchically subordinate to the ESRB, whereas according to the proposal of European Commission and in practice it is the ECB that is more in the public eye since the debt crisis. This lead to the opportunity that the ESRB could become a forum for a dialog lead by the ECB and the ESRB leadership and decision-making could be dominated by the ECB and banking union concerns³.

3.1.5.3. Independence of the ECB

According to Article 130 TFEU, the independence of the ECB and of the members of its decision-making organs is guaranteed for the entirety of their field of activity. The same chapter contains the section stating that the ECB may be assigned «specific tasks» in relation to supervision, according to Article 127 (6) TFEU. This provision does not mention any change in the independence of the ECB. A systematic interpretation of the TFEU permits the independence of the ECB in respect of monetary-policy functions. The granting of functions and powers that are not to be independently exercised should necessitate an amendment of the TFEU⁴. Dispensing with political responsibility and reviews is also at odds with the principle of democracy under Article 2 (1) TEU. The functioning of the European Union is founded on representative democracy according to Article 10 (1) TEU. Any form of independent exercise of sovereign rights on the part of independent bodies of the EU requires special justification by the European Parliament, the European Council or the European Commission. In respect of the monetary policy functions of the ECB, such a justification may be based upon the independence of central banks and currency stability. There is no such justification for the independence of the ECB where supervisory functions and the stability of the banking system are concerned⁵. Particularly in respect of bank supervision there is no tension between the interests of stability and the monetary functions of

¹ Herdegen M. Europäische Bankenunion: Wege zu einer einheitlichen Bankenaufsicht // Wertpapiermitteilungen. 2012. P. 1889, 1897.

² Ibid. P. 1897 et seq. The European Stability Mechanism is an international organisation created in accordance with the international law that can assume such functions. If the European Stability Mechanism does not represent the national authorities of the Member States in the EBA, an amendment of secondary EU law will be required. An integration of the functions and powers currently held by the EBA with banking supervision by the ESM will require an amendment of the TFEU.

³ Ferran E., Balis V. The European Single Supervisory Mechanism // Journal of Corporate Law Studies. 2013. № 13. P. 255, 285.

⁴ Herdegen M. Op. cit. P. 1894.

⁵ Ibid.

the ECB. Consequently, a transfer of banking supervision to the ECB would, in light of its independence, be contrary to the principle of democracy¹.

3.1.5.4. Scope of Supervision

Under the proposed Regulation, the supervisory powers of the ECB would be restricted in principle to the eurozone. Therefore, UK institutions are not included, despite the fact that the head offices of some of the largest institutions are located there. The Member States outside of the eurozone can establish close cooperation between their supervisory authorities and the ECB under Article 6 of the proposed ECB Regulation. They will not have as great an influence on the decisions in the Supervisory Board as the eurozone Member States, which are represented via their own votes as well as these of the chairpersons of the ECB. Such a divided Supervisory Board would result in system failure to a certain extent. The reason is that in a mainly harmonised sector companies would be subject to differing supervisory mechanisms side-by-side². It remains questionable whether these states can enjoy benefits from such a cooperation if they have none of the advantages of a single currency. The ECB can also not guarantee that it will protect the euro and their national currencies to the same extent.

3.2. Proposal of the European Commission for a Single Resolution Mechanism (*current*)

At a meeting of the ministers of finance of the eurozone on 13/14 May 2013, it was discussed whether, when and how the big bank investors would have to bear losses in the event of a bailout of a bank. A new structure, supported by the European Stability Mechanism (ESM), is to take over bank resolution in the eurozone. Germany was opposed to such a rapid introduction of the resolution mechanism because first a single bank restructuring procedure and a common deposit insurance would have to be established in the context of a banking union and a single supervisory authority³. In the absence of strict implementation, the deposit insurance would result in a significant redistribution. In Germany's view, the bank restructuring will require an amendment of the Lisbon Treaty⁴. The funds for the bank restructuring or dissolution should not be in a common fund until such time as a more centralised supervisory system with a stable legal basis has been established in the EU⁵.

In light of this discussion, the European Commission proposed a Single Resolution Mechanism (SRM) for the banking union on 7 July 2013. This system is designed to recapitalize credit institutions that have gotten into financial difficulties via a resolution fund. The system would work in such a way that the ECB, as the bank supervisor, would first signal when a bank was in severe financial difficulties and needed to be resolved⁶. As a second step, a Single Resolution Board (SRB) consisting of representatives of the ECB, the European Commission and the national authorities where the bank has its headquarters would prepare the resolution of the bank. On the basis of the Single Resolution Board's recommendation, or on its own initiative, the Commission would decide whether to place a bank into resolution. Thus, the final say would be with the European Commission. The legally binding discretionary decision will accordingly be with a democratically

¹ Herdegen M. Op. cit. P. 1894; Hahn H., Häde U. Währungsrecht. 2010. P. 112.

² Ibid. P. 1894.

³ Kotz H.-H. Nach der Krise; Neue Herausforderungen für die Bankenregulierung // Zeitschrift für Bankrecht und Bankwirtschaft. 2012. P. 322, 328.

⁴ Werner M. EU-Pläne für Bankenabwicklung kaum haltbar // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2013. № 10. P. 1; URL: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/eu-plaene-fuer-bankenschliessung-kaum-haltbar-12277981.html>.

⁵ Сотирова С. В капана на банковия съюз // Банкеръ. 2013. 17–24 Mai. P. 6.

⁶ This assessment will be conducted by the ECB Supervisory Board for the banks subject to the SSM and by the national resolution authorities for banks not member of the SSM. See, Micossi S., Bruzzone G., Carmassi J. The New European Framework for managing Bank Crises // CEPS Policy Brief. 2013. № 304. P. 21, 29 // URL: <http://www.ceps.be/category/book-series/ceps-policy-briefs>.

legitimate organ in accordance with European jurisprudence¹. If the European Commission decides to place a bank into resolution, the national resolution authorities would be in charge of the execution of the resolution plan. The SRB would oversee the resolution and if the national resolution authorities not comply with the decision, it would directly address executive orders to the troubled bank².

In addition, a Resolution Directive establishing uniform rules and procedures for the resolution of credit institutions and investment firms is to be enacted³. The proposed order of seniority in the event of insolvency is still the subject of dispute. According to the Commission's proposal, the shareholders, followed by bondholders and finally savers with savings of more than 100,000 euro will be held liable⁴. Only then would the taxpayer, initially via the Member State in question and subsequently the other euro states via the European Stability Mechanism, be called upon⁵. It remains unclear whether this scheme would apply to all EU Member States, or whether the decision as to whether the taxpayer must intervene will be left to the individual states. The banking union is to be built upon the framework of this Directive and the SSM⁶. The Directive will apply to credit institutions of Member States not participating in the banking union and should govern the interface between the SRM and the national resolution authorities of these Member States. The Commission's proposal faced some negative reaction⁷. Concerns were raised that the Commission would be given powers beyond those it can be granted under the EU treaties, which powers would require an amendment of primary European law⁸. Until such time as this is reached, a «network» of national resolution authorities could carry out this function⁹. It is thus that it will require a certain period of time for the introduction of the SRM, due to the absence of an agreement on certain questions.

4. Conclusion

The new European system of financial supervision established on 1 January 2011 was designed to ensure a consolidation of financial supervision. However, the centralised supervision at a supranational and a national level is in contrast to the decentralised system of supervision by the country of origin. The Commission's proposal to confer banking supervision on the ECB in accordance with Article 127 (6) TFEU is conditional on the ECB not taking over all banking supervision activities, but only certain functions in connection with the oversight of credit institutions. According to the *De Larosiere* Report, supervision at an EU level should encompass all areas of the financial markets and should not be restricted to the banking sector¹⁰. A European central financial supervisory authority would be the logical step in this direction after the introduction of a single currency and the establishment of a ECB, although according to some eurosceptics this is more associated with a single

¹ *Hyoltchi R.* The European Commission issued a legislative proposal for the Europeanization of bank resolution. It wants to create a board and a fund. The project met with harsh criticism from Berlin // *Neue Züricher Zeitung*. 2013. 11 July; URL: <http://www.nzz.ch/aktuell/wirtschaft/wirtschaftsnachrichten/bruessel-fordert-berlin-heraus-1.18114544>.

² Commission proposes Single Resolution Mechanism for the Banking Union, dated 10 July 2013 // URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-13-674_en.htm. See also, Council agrees general approach on Single Resolution Mechanism, 18 December 2013 // URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ecofin/140190.pdf.

³ See: Directive 2006/48/EC of the European Parliament and of the Council of 14 June 2006 relating to the taking up and pursuit of the business of credit institutions. P. 2. The Directive would also govern the order of priority for compensation.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.*

⁶ See: *Сотирова С.* Указ. соч.

⁷ EurArchiv dated 12 July 2013 // URL: <http://www.euractiv.de/finanzen-und-wachstum/artikel/schauble-gegen-eu-plane-zur-bankenabwicklung-007765>.

⁸ *Hyoltchi R.* Op. cit.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ See: The De Larosiere Report. P. 45. Para. 153.

state¹. The proposals of the Commission are directed towards the centralisation of bank supervision. However, the competence for European-wide supervision of credit institutions along with all the necessary rights to information and of intervention is still lacking. The establishment of a banking union is limited to the eurozone. As a new piece of regulation, it meets the need for further integration in Europe. It will also be better able to meet the challenges of global competition. Nonetheless, it remains open to debate whether the banking union should be run by the ECB, as there are doubts in respect of independent supervision and monetary policy of the ECB. The economic and monetary policies of the participating Member States will likewise be placed at different levels: whereas monetary policy is conferred to the supra-national ESCB, responsibility in terms of economic policy will remain with the Member States, which will not be able to prevent further crises, pending the establishment of an economic union. In retaining the decentralised system of supervision there will be further problems in respect of differing supervisory practices in the Member States. Such problems can be resolved via central European financial supervision. The European Commission's new project for the introduction of a Single Resolution Mechanism as a foundation for the functioning of the banking union remains controversial. Consequently, the reform proposals of the Commission should be viewed as preliminary steps for the planned rollout of a centralised model of supervision in the future. It remains to be hoped that such a model will be implemented in the near future.

Bibliography

- Baring A.* Wir reden von einem Europa, das es gar nicht gibt // Focus. 2013. 30 May.
- Berschens R., Sigmund T.* Juristische Bedenken gegen Euro-Bankenaufsicht wachsen // Handelsblatt. 2012. 20 October.
- Brandt T. O., Gieseler K.* Vorschläge der EU-Kommission zur einheitlichen Bankaufsicht in der Eurozone // Betriebs-Berater. 2012. October.
- Commission proposes Single Resolution Mechanism for the Banking Union, dated 10 July 2013 // URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-13-674_en.htm.
- Communication from the Commission to the European Parliament and the Council: A Roadmap towards a Banking Union, COM (2012) 510 final, dated 12 September 2012 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0510:FIN:EN:PDF>.
- Conclusions of the European Council dated 18/19 October 2012, EUCO 156/12 // URL: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/12/st00/st00156.en12.pdf>.
- Council agrees general approach on Single Resolution Mechanism, 18 December 2013 // URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ecofin/14019.pdf.
- Directive 2006/48/EC of the European Parliament and of the Council of 14 June 2006 relating to the taking up and pursuit of the business of credit institutions // OJ. 2006. 30 June. L 177.
- Discussions at the session of the German Bundesrat dated 19 October 2012 // BR-Drs. 546/12.
- Eriksson A.* Einheitlicher Europäischer Bankenaufsichtsmechanismus // URL: <http://www.bundestag.de/dokumente/analysen/2013/Bankenaufsichtsmechanismus.pdf>.
- EU continues bickering on the banking union // URL: <http://www.handelsblatt.com/politik/international/deutschland-bremst-eu-zankt-sich-weiter-um-bankenunion/8201096.html>.
- EurArchiv dated 12 July 2013 // URL: <http://www.euractiv.de/finanzen-und-wachstum/artikel/schauble-gegen-eu-plane-zur-bankenabwicklung-007765>.
- Ferran E., Balis V.* The European Single Supervisory Mechanism // Journal of Corporate Law Studies. 2013. № 13.
- Glatzl S.* Geldpolitik und Bankenaufsicht im Konflikt. Baden-Baden, 2009.
- Hahn H., Häde U.* Währungsrecht. 2010.
- Herdegen M.* Europäische Bankenunion: Wege zu einer einheitlichen Bankenaufsicht // Wertpapiermitteilungen. 2012.
- Hyoltchi R.* The European Commission issued a legislative proposal for the Europeanization of bank resolution. It wants to create a board and a fund. The project met with harsh criticism from Berlin // Neue Züricher Zeitung. 2013. 11 July; URL: <http://www.nzz.ch/aktuell/wirtschaft/wirtschaftsnachrichten/bruessel-fordert-berlin-heraus-1.18114544>.

¹ *Baring A.* Wir reden von einem Europa, das es gar nicht gibt // Focus. 2013. 30 May. P. 26.

Kotz H.-H. Nach der Krise: Neue Herausforderungen für die Bankenregulierung // Zeitschrift für Bankrecht und Bankwirtschaft. 2012.

Mangler-Nestler C. Rechtsschutz in der europäischen Bankenaufsicht // Zeitschrift für das gesamte Kreditwesen. 2012. № 10.

McCreevy C. The statement of the European Commissioner for Internal Market and Services, 23 September 2009, the EU wants to get serious on stricter supervision // URL: http://www.focus.de/finanzen/news/eu-eu-will-mit-strenger-finanzaufsicht-ernst-machen_aid_438258.html.

MEMO/12/662, Commission proposes a package for banking supervision in the eurozone - frequently asked questions, dated 12 September 2012 // URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-12-662_en.html.

Micossi S., Bruzzone G., Carmassi J. The New European Framework for managing Bank Crises // CEPS Policy Brief. 2013. № 304.

Proposal for a Council Regulation conferring specific tasks on the ECB concerning policies relating to the prudential supervision of credit institutions, dated 12 September 2012, COM (2012) 511 // URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0511:FIN:EN:PDF>.

Proposal for a Council Regulation conferring specific tasks on the European Central Bank concerning policies relating to the prudential supervision of credit institutions // URL: <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/12/st17/st17812.en12.pdf>

Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EU) No 1093/2010 establishing a European Supervisory Authority (European Banking Authority) as regards its interaction with Council Regulation (EU) No.../... conferring specific tasks on the ECB concerning policies relating to the prudential supervision of credit institutions dated 12 September 2012, COM 2012 (512) // URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0512:FIN:EN:PDF>.

Protocol of the meeting of 19 October 2012 (631. EC).

Regulation (EU) № 1092/2010 of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 on European Union macro-prudential oversight of the financial system and establishing a European Systemic Risk Board // OJ. 2010. 15 December. L 331/1.

Regulation (EU) № 1093/2010 of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 establishing a European Supervisory Authority (European Banking Authority), amending Decision No 716/2009/EC and repealing Commission Decision 2009/78/EC // OJ. 2010. 15 December. L 331.

Report by Jacques de Larosiere Group on 25 February 2009 // URL: http://ec.europa.eu/internal_market/finances/docs/de_larosiere_report_en.pdf.

Report on proposal of the European Commission for amendment of the EBA Regulation, S. Giegold // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+REPORT+A7-2012-0393+0+DOC+PDF+V0//EN>.

Report on the proposal for a Council regulation conferring specific tasks on the European Central Bank concerning policies relating to the prudential supervision of credit institutions, M. Thyssen // URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+REPORT+A7-2012-0392+0+DOC+PDF+V0//EN>.

Riecke T. Finanzaufsicht, Farbe bekennen // Handelsblatt. 2009. 23 September.

Speyer B. Internationalisierung von Bankgeschäft und Bankenaufsicht // *Pitschas R.* Integrierte Finanzdienstleistungsaufsicht. Berlin, 2002.

Submission of Deputy Meister and others and the CDU/CSU party as well as Deputy Vising and others and the FDP party on 25 September 2012 // BT-Drs. 17/10781.

The President of the German Federal Bank takes a stand against banking supervision from inside the ECB // URL: <http://www.m.faz.net/aktuell/wirtschaft/bundesbank-praesident-weidmann-macht-front-gegen-bankenaufsicht-unter-dach-der-ezb-11906411.html>.

URL: <http://www.handelsblatt.com/unternehmen/banken/ezb-kontrolle-sparkassen-geben-der-bankenaufsicht-den-kleinen-finger/7156230.html>.

Walla F. Die Europäische Wertpapier- und Marktaufsichtsbehörde (ESMA) als Akteur bei der Regulierung der Kapitalmärkte Europas – Grundlagen, erste Erfahrungen und Ausblick // Zeitschrift für Bank und Kapitalmarktrecht. 2012.

Werner M. EU-Pläne für Bankenabwicklung kaum haltbar // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2013. № 10 // URL: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/eu-plaene-fuer-bankenschliessung-kaum-haltbar-12277981.html>.

Сотирова С. В капана на банковия съюз // Банкеръ. 2013. 17–24 Mai.

К. М. Табаринцева-Романова*

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕГО РЫНКА ВИНА ЕС: ЭТАПЫ И ДИНАМИКА

Предпринята попытка выделить основные этапы формирования общего рынка вина Европейского союза. Рассмотрены основные сложности, связанные с процессом объединения винного рынка.

Ключевые слова: общий рынок вина ЕС, этапы создания общего рынка, постановления ЕС № 555/2008, 436/2009, 606/2009, ЕС (SCOF) № 203/2012

The author attempts to trace the milestones of the EU common wine market formation. The article contains the analysis of the main difficulties in wine market consolidation.

Key words: EU' common wine market, milestones of the EU common wine market formation, Regulations (EC) № 555/2008, 436/2009, 606/2009 and (SCOF) № 203/2012

Формирование общего рынка вина — одна из проблем Европейского союза. Ее возникновение связано с традиционным пониманием производства вина как национального имиджевого продукта. Винное законодательство стран, входящих в ЕС, призвано регулировать производство вина, начиная с выработки необходимого для этого сырья и кончая розливом готовой продукции в бутылки. Создание единого рынка вина ЕС имеет долгую и непростую историю. Мы попытались выделить основные этапы становления винодельческой сферы ЕС.

Первый этап (конец Второй мировой войны — июнь 1970 г.; 1 июня — начало функционирования общего рынка вина). Для данного этапа характерно наличие преимущественно вина высокой крепости, преобладание посредников и небольших частных фирм, занимавшихся поставкой винограда и вина; невысокие и практически не покрывающие затрат большинства фирм семейного типа цены на виноград и вино. В 1968 г. производственный потенциал вина был утвержден Директивой Совета ЕЭС о подготовке и торговле сертифицированным посадочным материалом ценных проверенных сортов винограда и их клонов, которая остается в силе и сегодня. Определены все кондиции и физические параметры поступающих в торговлю черенков и саженцев.

Второй этап (июль 1970—1987 г.). Это период реформирования общего рынка вина: наблюдается резкий рост экспорта европейского вина в Россию, страны Магриба, происходит перераспределение поставок национального вина в Европе. Так, по экспорту вина во Францию Италия заняла первое место. В результате обострились франко-итальянские отношения: в 1976 г. французские виноделы блокировали итальянские транспортные суда с цистернами вина. Однако несмотря на протесты французской стороны, Европейское сообщество провело первую реформу: из-за преобладания предложения над спросом на винную продукцию введена перегонка вина. Европейские виноделы начали «уходить» от изготовления столовых вин и приступили к производству марочных и элитных. Стала очевидна двойственность развития европейского виноделия: общий рынок диктовал невысокие цены на продукцию, а государства сосредоточивались на производстве дорогого вина. Неэффективность первой реформы вызвала в 1987 г. новую: введены режим специальной ценовой политики и строгий контроль за предприятиями-производителями, предусмотрены премии за отказ от виноградников. Размеры

* Табаринцева-Романова Ксения Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург). E-mail: rkksenia@bk.ru.

последних сокращаются, но вводятся новые виды лозы, используются новые способы их культивирования.

Все это привело к изменению национальных и региональных уставов. Постановлением ЕС № 822/87 узаконен Реестр производственного потенциала: классифицированы сорта винограда для производства вина. Поскольку Реестр постоянно обновлялся, то исключенные из него сорта выкорчевывались в течение 15 лет. В соответствии с указанным постановлением были определены правила пересадки виноградников, перепрививки виноградных лоз, раскорчевки насаждений винограда. Каждая страна-член ЕС получила свою квоту на новые посадки винограда: разрешение на посадку новых виноградников выдавалось лишь в том случае, если заявитель доказывал, что новые площади обеспечат изготовление только качественных столовых вин, а объемы производства вина в регионе будут гораздо ниже спроса на него.

Третий этап (1988–1999 гг.). Он характеризуется своеобразной культурной эволюцией потребителя. Теперь покупатель воспринимает винный продукт не как продукт питания, а как источник получения вкусового удовольствия, особый символ социального статуса, особую часть гастрономии как искусства, а также (как ни парадоксально) элемент диетического оздоровительного питания. В профессиональном же сообществе разгорелась дискуссия о праве использования в производстве национальных вин для купажирования неместных сортов винограда (привозного винограда) и о классификации вин: IGT, DOC¹. Споры и недовольства среди основных производителей вина свидетельствовали о необходимости вновь реформировать общий рынок вина. Например, в 1999 г. Комитет ЕС принял решение о резком сокращении площадей виноградников, что повлекло сокращение производства вина. Однако расчет, что нехватку винодельческой продукции, возникшую в результате сокращения производства вина в традиционных винодельческих странах (Италии, Франции, Испании), перекроют другие страны-члены ЕС, не оправдался. Так, Северная Европа, не будучи традиционным производителем вина, не смогла покрыть предложения рынка основных стран-производителей вина, а на мировом уровне выросло предложение со стороны таких стран, как Аргентина и Чили. Страны-потребители, не являющиеся членами ЕС, стали предъявлять все более высокие требования к качеству вина, т. е. сложившаяся ситуация привела в тупик: одновременно наблюдался и переизбыток вина, и возрастающий спрос на качественное вино. Метод перегонки вина оказался не таким эффективным, как представлялось. Постановлением ЕС № 1493/1499 в 1999 г. для организации общего рынка вина в рамках ЕС были определены законы, регулирующие виноградарско-винодельческий потенциал; винодельческие приемы и процессы, обозначение, оформление и защита продукции; состав качественного вина, приготовленного в определенных районах; организация производителей винограда и вина; механизмы рынка и торговли с третьими странами. В свою очередь постановление ЕС № 1260/1999 ввело в общий рынок вина систему межгосударственного планирования виноградников и компенсацию производителю за потерю дохода от данного планирования. Система реструктуризации и конверсии должна была обеспечить адаптацию производства к потребностям рынка.

Четвертый этап (2000–2010 гг.). К 2010 г. появилась необходимость вновь реформировать общий рынок вина. Виноградники на территории ЕС составляли 45 % от мирового объема, ЕС производил 65 % вина и потреблял 57 % от общего объема, экспортировал 70 %. Так как реформа 1999 г. не привела к желаемым результатам, ЕС снова был вынужден прибегнуть к сокращению производства вина. В 2008 г. Еврокомиссия приняла постановление ЕС № 479/2008. Его цель – поднятие конкурентоспособности производителей вина ЕС, выравнивание спроса и предложения на рынке, защита потребителя, сохранение лучших традиций виноделия. В период 2008–2009 гг. ЕС при-

¹ IGT (Indicazione Geografica Tipica) – региональное вино; DOC (Denominazione di Origine Controllata) – вино, контролируемое по происхождению.

нимает ряд положений (№ 555/2008, 436/2009, 606/2009), которые вместе с постановлением ЕС № 479/2008 создают единую европейскую правовую основу для данного сектора. Они касаются программы поддержки винодельческого сектора ЕС, контроля рынка, регулирования производства вин, винограда, категорий вин. Наиболее существенные изменения внесены в систему классификации вин: создана единая система категорий вин (против нее долго боролись Италия и Франция¹). Теперь европейские вина делятся на две категории: IGP – региональное гарантируемое по происхождению вино и DOP – вино, контролируемое и гарантируемое по происхождению. Отметим, что гарантии предоставляет ЕС. По пути упрощения модифицировали и систему надписей на этикетках: так, сегодня вместо страны-производителя следует указывать «Произведено в ЕС».

Пятый этап (2011 г. – до настоящего времени). 8 марта 2012 г. Комитетом ЕС было принято постановление ЕС (SCOF) № 203/2012, касающееся так называемого биовина. Оно позволило его производителям использовать на этикетах термин «биологическое вино», т. е. вино²:

1) произведенное:

из биологического винограда (выращенного без использования химических удобрений (пестицидов, инсектицидов, противогрибковых удобрений, противосорняковых препаратов) и генномодифицированных организмов);

при использовании энологических продуктов и способов, одобренных только постановлением ЕС № 203/2012;

без пастеризации;

2) для ферментации и хранения которого не использовались баки из стеклопластика;

3) бутилирование которого производилось только в стеклянные бутылки, закупоренные натуральными пробками.

Новым пунктом в принятом постановлении стало обязательное использование логотипа ЕС, который представляет собой регистрационный номер соответствующего органа сертификации вина, что гарантирует потребителям получение продукта высокого качества.

Нововведения и поправки вновь нанесли удар по средним производителям вина, для которых единственным способом продвижения товара было производство натурального, экологически чистого продукта по местным традициям.

Говоря о формировании общего рынка вина ЕС, можно сделать вывод: унификация производства вина, стирание национальных и региональных особенностей приводит к падению популярности европейского вина. По данным ФАО³, за период с 1993 по 2004 г. производство вина в Европе сократилось в среднем со 193 млн 960 тыс. 199 гл до 188 тыс. 815 гл⁴ (но вырос интерес к таким производителям вина, как США, Южная Америка), снизился и спрос на столовые и разливные вина. Отдельные страны-производители вина (члены ЕС) были вынуждены бороться с возникшими трудностями. Так, Италия развернула программу энотуризма и концепта вина, неразрывно связанного не только с самим напитком, но и сопровождающими его продуктами: сыром, фруктами, специфическими региональными закусками. Развивается целая индустрия праздника вина и виноделия, проводятся различные шоу, выставки и т. д., небольшая фирма-производитель вина превращается в многопрофильную компанию, занимающуюся туристической деятельностью, гастрономией, сферой услуг.

¹ О классификации вин см.: Романова К. М. Аббревиатуры и законодательство о вине // Язык, культура, общество: материалы IV Междунар. науч. конф. М., 2007. С. 220–221.

² Regolamento di esecuzione (UE) № 203/2012 della commissione dell'8 marzo 2012 // URL: http://www.lavinium.com/denom/reg_ce_203_12.pdf.

³ ФАО – Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН.

⁴ гл – гектолитр. Подробнее см: URL: http://www.coreras.it/Upload/allegatipubblicazioni/Vino_economia_e_sviluppo.pdf.

Таким образом, формирование общего рынка вина ЕС прошло уже пять этапов, однако сказать, что все перечисленные мероприятия принесли пользу производителям вина, нельзя. Своеобразная «глобализация» винодельческого рынка привела к фактическому уничтожению небольших региональных производителей, зачастую имевших вековые традиции и свои «особенные вина». Тем из них, кто выжил, пришлось превращаться в предприятия широкого профиля.

Учитывая возрастающую конкуренцию со стороны производителей Нового Света, Африки, Австралии, чиновники из ЕС все активнее регулируют не только общий европейский рынок вина, но и единый европейский экспортный поток. Вероятно, с этим связаны и темпы реформирования данной отрасли, в результате чего уменьшается доля европейского вина на рынках сопредельных государств, сокращается производство вина на территории Европейского союза.

Библиография

Regolamento di esecuzione (UE) № 203/2012 della commissione dell'8 marzo 2012 // URL: http://www.lavinium.com/denom/reg_ce_203_12.pdf.

URL: http://www.coreras.it/Upload/allegatipubblicazioni/Vino_economia_e_sviluppo.pdf.

Романова К. М. Аббревиатуры и законодательство о вине // Язык, культура, общество: материалы IV Междунар. науч. конф. М., 2007.

В. В. Вараксин*

ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Представлена общая характеристика и классификация эколого-правовых требований, закрепленных в российском законодательстве. Автор приходит к выводу, что федеральные и региональные нормативные правовые акты в области охраны окружающей среды и природопользования не обеспечивают достижения целей и задач правового регулирования. Отмечаются недавние изменения, касающиеся управления в сфере охраны окружающей среды. Критически оценивается реализация экологического надзора органами государственной власти. Автором вносятся предложения по повышению качества надзорной деятельности через модификацию структуры и функционала специальных служб.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, эколого-правовые требования, природоохранные и природоресурсные требования, экологический надзор, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования и охраны окружающей среды

The author presents a general characteristics and classification of the legislated ecological-legal requirements. He concludes that the federal and regional legal acts on environmental protection fail to achieve the aims and objectives of legal regulation. Recent changes to management of environmental protection are considered. Environmental supervision provided by public authorities is critically evaluated. The author makes suggestions for improving the supervisory activities through modification of the structure and functions of special services.

Key words: environmental protection, ecological-legal requirements, environmental and natural-resource requirements, environmental supervision, Federal Service for Supervision of Natural Resources and Environmental Protection

В настоящее время экологическое развитие страны и ее регионов требует новых подходов и прогрессивных решений в сфере правового регулирования экологических отношений, а также государственного и муниципального управления в области охраны окружающей среды и природопользования.

В последние годы Российским государством были значительно уточнены, расширены и усилены эколого-правовые требования и соответствующие им правовые и организационные меры, что свидетельствует о тенденции к совершенствованию экологического законодательства. Обеспечение охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов в промышленных регионах РФ регулируется совокупностью норм не только природоохранного и природоресурсного законодательства, но и других отраслей федерального и регионального законодательства, в том числе Конституцией РФ. Не случайно согласно ч. 1 ст. 9 Конституции РФ использование и охрана земли и других природных ресурсов в Российской Федерации составляют основу жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

Итак, в нормах российского законодательства: 1) формулируются общие и специальные правовые экологические требования к производственно-хозяйственной деятельности предприятий; 2) определяются необходимые организационно-контрольные меры

* Вараксин Валерий Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург). E-mail: ecoland@usla.ru.

и механизмы, направленные на реализацию этих требований; 3) обеспечивается тесная взаимосвязь эколого-правовых требований и организационно-контрольных механизмов с экономико-правовыми и идеологическими гарантиями, а также мерами юридической ответственности за экологические правонарушения.

Первостепенная роль принадлежит нормам экологического законодательства, которые содержат весьма широкий круг эколого-правовых требований к промышленным предприятиям. Эти требования подразделяются на общие и специальные. Первые касаются задач и принципов экологического законодательства, устанавливаемых для промышленных предприятий приоритетов и ограничений, общих эколого-правовых прав и экологических обязанностей и др. Специальные эколого-правовые требования затрагивают вопросы использования отдельных природных объектов в производственно-хозяйственной деятельности промышленных предприятий.

В зависимости от вида деятельности промышленных предприятий эколого-правовые требования подразделяются на природоохранные и природоресурсные. Природоохранные требования в свою очередь включают три вида:

а) запретительные, направленные на недопущение хозяйственной деятельности промышленных предприятий в регионах в пределах особо охраняемых природных территорий (заповедники, национальные и природные парки, памятники природы, ботанические сады, городские леса, курортные и лечебно-оздоровительные зоны и др.);

б) ограничительные, связанные с уменьшением воздействия промышленных предприятий на отдельных природных территориях (природные заказники, зоны хозяйственного назначения национальных и природных парков, охранные зоны особо охраняемых природных территорий, зоны традиционного (приоритетного) природопользования и чрезвычайной экологической ситуации), определяемые правовым режимом этих территорий;

в) разрешительные, касающиеся осуществления производственно-хозяйственной деятельности промышленных предприятий.

Природоресурсные эколого-правовые требования закреплены в нормативных правовых актах природоресурсного законодательства Российской Федерации и ее субъектов (земельном, водном, лесном законодательстве, законодательстве о недрах, об охране атмосферного воздуха и животном мире). Эти требования содержат правила рационального использования земель, вод, лесов, недр и других природных ресурсов и охраны отдельных объектов природы.

В федеральном и региональном экологическом законодательстве были отменены устаревшие правовые нормы, ликвидирован ряд пробелов, в него были также включены новые положения, имеющие принципиальное значение как для природоохранной и хозяйственной деятельности промышленных предприятий, так и для сферы природопользования в целом. Однако темпы совершенствования федерального и регионального экологического и иного тесно связанного с ним законодательства по-прежнему слишком низки.

Оценивая федеральные и региональные нормативные правовые акты в области охраны окружающей среды и природопользования с позиций комплексного подхода, можно сделать вывод, что они пока еще не соответствуют в полной мере современным экономическим, социально-политическим и правовым реалиям, не могут служить достижению целей и задач правового регулирования. Следовательно, экологическое законодательство Российской Федерации и ее субъектов нуждается в обновлении и дополнении. Чтобы обеспечить его полноту и достаточность для решения экологических и тесно связанных с ними социально-экономических вопросов, законодатель должен учитывать комплексный характер проблем охраны окружающей среды

и особенности отдельных объектов природы, своевременно выявлять пробелы и противоречия в нормах экологического законодательства и определять пути их устранения.

В производственно-хозяйственной сфере и сфере природопользования большое значение принадлежит не только расширению и усилению экологических требований, но и совершенствованию организационных мер и механизмов. Это обусловлено ролью государственного управления в области охраны окружающей среды и природопользования как составной части государственного управления, которое должно быть направлено на решение как перспективных задач, связанных с переходом страны и ее отдельных регионов к устойчивому развитию, так и первоочередных экологических и социально-экономических проблем.

В настоящее время, в частности, в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» закреплены такие важные организационно-правовые меры охраны окружающей среды, как экологическая сертификация, лицензирование, оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС), которые ранее регламентировались подзаконными нормативными актами.

Следует обратить особое внимание на изменения в надзорно-контрольной деятельности в сфере охраны окружающей среды и природопользования. Так, значительно расширена сфера экологического надзора. Кроме того, дополнены виды экологического контроля, который наряду с производственным и общественным контролем в области охраны окружающей среды стал включать муниципальный контроль.

В настоящее время государственные надзорные функции в сфере природопользования возложены на Федеральную службу по надзору в сфере природопользования, которая находится в ведении Министерства природных ресурсов и экологии РФ. Вместе с тем сохраняется нежелательная ситуация, при которой одно и то же Министерство отвечает как за природопользование, так и за государственный надзор в данной сфере, что вряд ли обоснованно. На наш взгляд, нецелесообразно также разделение Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и охраны окружающей среды на Федеральную службу по надзору в сфере природопользования и Федеральную службу по экологическому, технологическому и атомному надзору. Такой подход, во-первых, противоречит единству и взаимодействию природопользования и охраны окружающей среды как двух форм экологической деятельности; во-вторых, не соответствует единству экологического надзора и контроля как основным функциям государственного управления экологической деятельностью; в-третьих, влечет ослабление позиций государственных органов, осуществляющих экологический надзор как самостоятельное направление контрольно-надзорной деятельности.

Несмотря на положительные моменты, связанные с исключением государственного экологического надзора из сферы полномочий Министерства природных ресурсов и экологии РФ и усилением его взаимосвязи с технологическим и атомным надзором, реорганизация Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и охраны окружающей среды носит незавершенный характер и ведет к снижению эффективности государственного экологического надзора.

На наш взгляд, целесообразно продолжить работу по совершенствованию системы органов государственного экологического контроля.

На первом этапе необходимо выделить из Федеральной службы экологического, технологического и атомного надзора Федеральную службу по экологическому надзору, вновь соединить ее с Федеральной службой по надзору в сфере природопользования и тем самым воссоздать Федеральную службу по надзору в сфере природопользования и охраны окружающей среды. При этом надлежит исключить указанную службу из подчинения Министерства природных ресурсов РФ и передать ее в ведение Правительства РФ.

На втором этапе, после того как Федеральная служба по надзору в сфере природопользования и охраны окружающей среды накопит опыт контрольной и надзорной деятельности и ее структура и работа стабилизируются, следует передать ее в подчинение Президента РФ. Это связано с тем, что Правительство РФ отвечает прежде всего за социально-экономическое развитие страны и в ряде случаев экономические интересы могут не совпадать с экологическими интересами в отдельных регионах, что будет препятствовать, в частности, решению государственными органами, органами местного самоуправления, юридическими лицами и гражданами комплексных экологических проблем. Подчинение же Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и охраны окружающей среды Президенту РФ может стать гарантией реализации конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду, других экологических прав, а также обеспечения рационального использования, охраны и воспроизводства природных ресурсов и охраны окружающей среды.

Следует отметить, что в целом работа органов государственного экологического надзора в сфере производственно-хозяйственной деятельности и природопользования недостаточно результативна. Эти органы не выполняют в полной мере своего предназначения, что связано с несовершенством как правового регулирования, так и правоприменительной деятельности надзорных органов.

Необходимо развитие всей системы государственного управления в сфере природопользования и охраны окружающей среды. К сожалению, в нормах Федерального закона «Об охране окружающей среды» не сформулированы основные цели и задачи, принципы и функции государственного и муниципального управления, а также нет четкого разграничения полномочий государственных и муниципальных органов управления в этой сфере. Тем самым не гарантируются достаточный уровень и комплексность государственного управления в данной области, в частности, не предусмотрены необходимые организационные меры по обеспечению рационального использования природных ресурсов, экологической безопасности и охраны окружающей среды.

И. Г. Кавковская*

**КОЛЛЕКЦИЯ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА Б. Б. ЧЕРЕПАХИНА
В ФОНДАХ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

В год празднования 120-летнего юбилея известного российского цивилиста Бориса Борисовича Черепяхина Научная библиотека УрГЮУ представила коллекцию его книг. Приведены сведения о монографиях, публикациях в ученых записках, сборниках статей, изданных под редакцией Б. Б. Черепяхина, комментариях к советским нормативным правовым актам и т. д.

Ключевые слова: Б. Б. Черепяхин, история, цивилистика, УрГЮУ

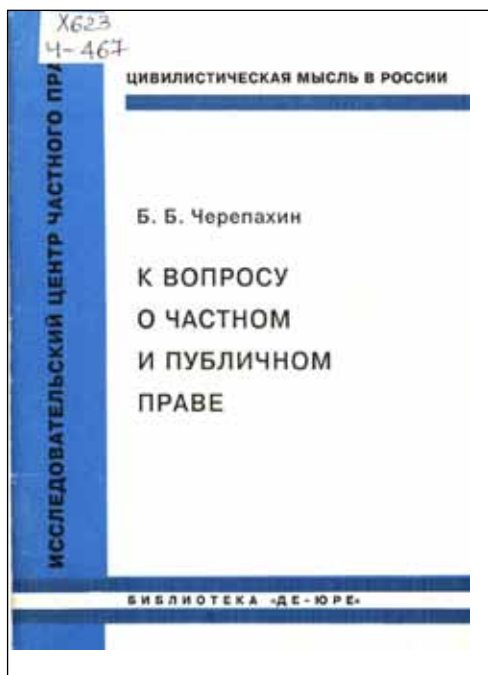
On the 120th anniversary of birth of Boris B. Cherepakhin, Russian civil law specialist, USLU has presented a collection of his books. The information on monographs, proceedings publications, collections of articles edited by B. B. Cherepakhin, commentaries to the soviet legal acts, etc. is given.

Key words: B. B. Cherepakhin, history, civil law, USLU

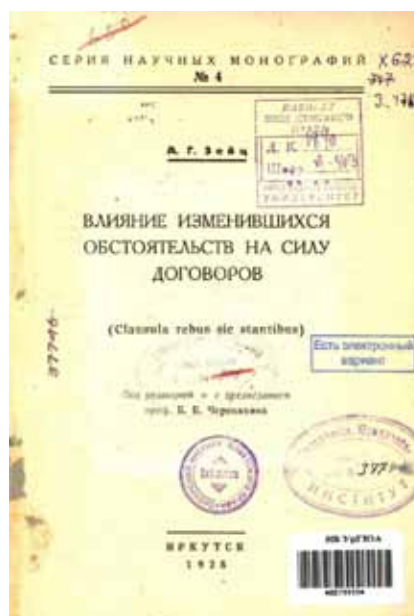
Борис Борисович Черепяхин (1894–1969) – крупный российский правовед, цивилист, уникальная фигура в истории отечественного гражданского права и в истории нашего Университета. В фондах Научной библиотеки УрГЮУ (далее – НБ УрГЮУ) хранится большинство печатных работ ученого. В год празднования его 120-летнего юбилея НБ УрГЮУ с гордостью представила авторскую коллекцию книг Б. Б. Черепяхина. В нее вошли прижизненные издания монографий, публикации в ученых записках, сборники статей, вышедшие под редакцией Б. Б. Черепяхина, «Комментарий к ГК РСФСР» и «Комментарий к Уставу железных дорог СССР», диссертации, научным руководителем при написании которых он был, а также статьи в юридической периодике, выявление которых ведется до сих пор.

Идут годы, а интерес к наследию Б. Б. Черепяхина не ослабевает. Самые ранние труды исследователя относятся к забайкальскому периоду его жизни (1924–1939 гг.). Из опубликованных работ того времени сохраняет актуальность монографический очерк «К вопросу о частном и публичном праве», напечатанный в десятом Сборнике трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета в 1926 г. В нашей коллекции данный очерк представлен изданием 1994 г., выпущенным Исследовательским центром частного права в серии «Цивилистическая мысль в России» со вступительной статьей С. С. Алексеева и полученным нами в дар от проректора УрГЮУ по научной работе Н. Н. Тарасова. На титуле автограф «Дорогому Коле Тарасову с пожеланием всего доброго. С. Алексеев».

* Кавковская Ирина Геннадьевна – заведующий отделом обслуживания научной литературой Научной библиотеки УрГЮУ (Екатеринбург). E-mail: library@usla.ru.

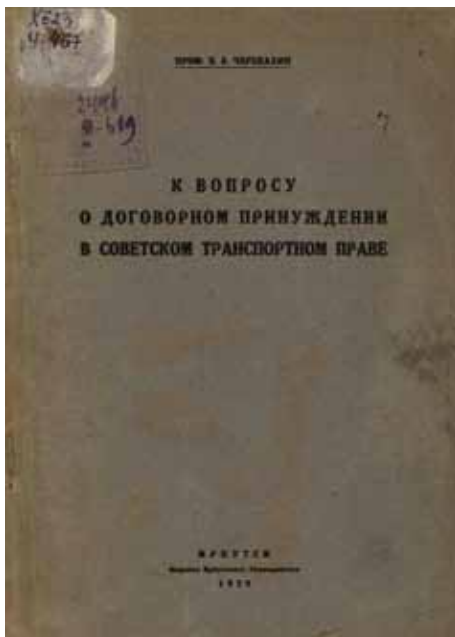

В 1928 г. Б. Б. Черепяхин выступил редактором книги А. Г. Зейца «Влияние изменившихся обстоятельств на силу договоров» и автором предисловия. Работа издана Иркутской секцией научных работников в серии «Научные монографии».

Годом позже, будучи профессором факультета права и местного хозяйства Иркутского университета, Б. Б. Черепяхин написал работу «К вопросу о договорном принуждении в советском транспортном праве» с резюме на немецком языке. О высоком уровне владения языком говорит и активное сотрудничество Б. Б. Черепяхина с немецким Архивом цивилистической практики («Archiv für die civilistische Praxis»).

На титульном листе присутствует надпись «От автора», но сделана ли она самим Б. Б. Черепяхиным, сказать достаточно сложно.

По штампам на титульных листах этих брошюр можно проследить всю историю фондов Научной библиотеки от Кабинета хозяйственного права Иркутского государственного университета и библиотеки Сибирского института советского права до библиотеки сначала Свердловского правового, а затем Свердловского юридического института, Уральской государственной юридической академии (ныне Университета). На обороте обложек – штампы проверок фондов 1940, 1942 и 2009 гг. При тираже в 300 и 350 экземпляров соответственно обе книги представлены в библиотеке в единственном экземпляре и внесены в коллекции «Труды Б. Б. Черепяхина» и «Редкая книга». В целях сохранности этих изданий создана их электронная версия, с которой может работать читатель.

На уральский период (1939–1952 гг.) приходится подъем творчества Б. Б. Черпахи-на. В 1945 г. во Всесоюзном институте юридических наук он защитил докторскую диссертацию по теме «Добросовестное приобретение права собственности от неуправомоченного приобретателя», основные положения которой были опубликованы в «Ученых записках Свердловского юридического института». Первые два тома «Ученых записок» выпущены Свердловским областным государственным издательством. В первом томе, который был подписан в печать в июне 1945 г., опубликована статья Б. Б. Черпахи-на «Виндикационные иски в советском праве», во втором томе (сентябрь 1947 г.) – статья «Юридическая природа и обоснование приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя».

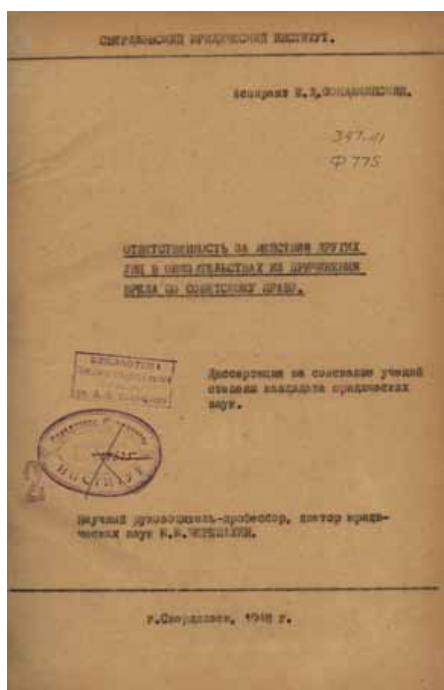

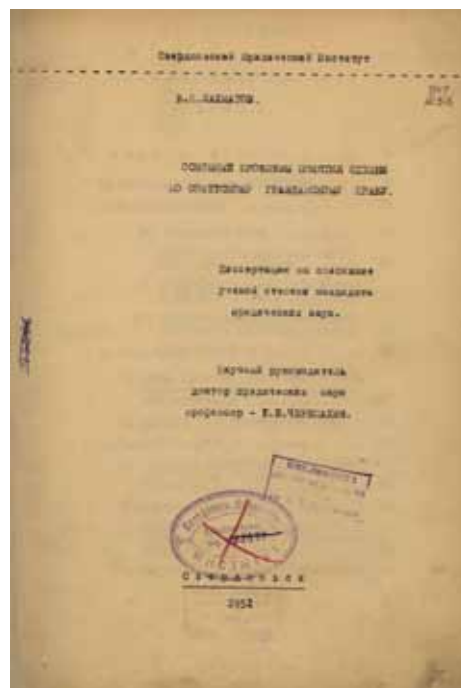
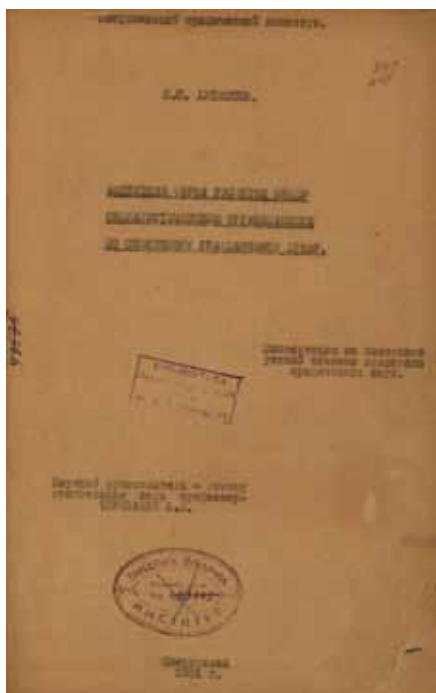
МУЗЕЙ ИСТОРИИ СЮИ – УРГЮА – УРГЮУ

Б. Б. Черепяхин входил в состав редакционной коллегии первых двух томов «Ученых записок», причем в первом томе он заявлен как председатель коллегии, а во втором — как ответственный редактор. В любом случае мы можем утверждать, что Б. Б. Черепяхин стоял у истоков создания «Ученых записок», руководил этим изданием и определял его содержание. Третий том «Ученых записок СЮИ» вышел уже в 1954 г., после переезда Бориса Борисовича в Ленинград в 1952 г. В томе отсутствуют его работы, но есть статьи его учеников: С. С. Алексеева, М. Я. Кирилловой, Е. Д. Шешенина.

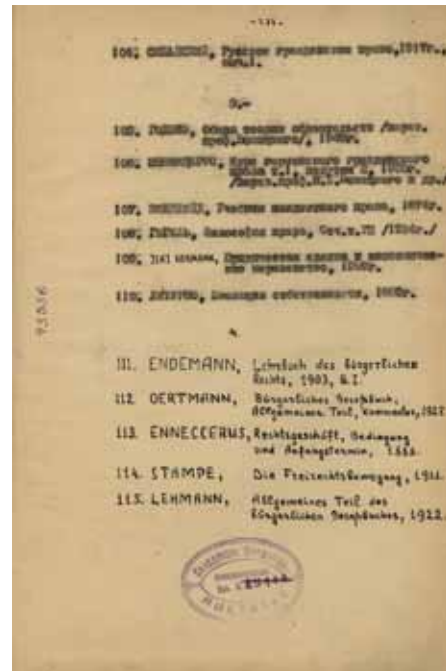
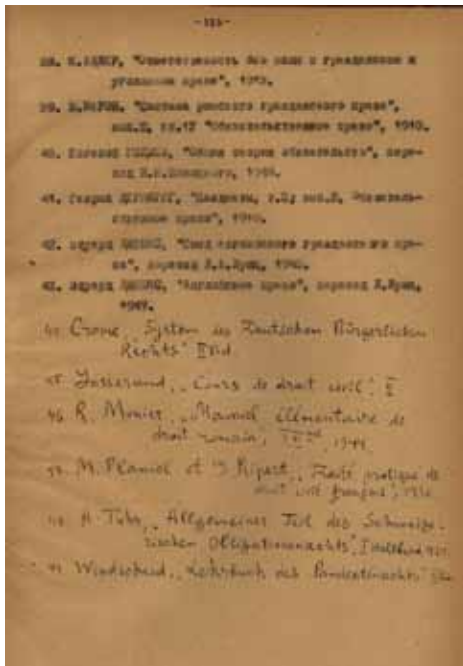
Примечательны тиражи выпусков «Ученых записок», которые пришлось на первые послевоенные годы (первый том — 950 экземпляров, в фонде — два экземпляра; второй — 1450, в фонде — четыре). Единственный экземпляр третьего тома не издательский, он представляет собой переплет около 500 машинописных листов, тираж этого тома нам неизвестен.

В конце 1940-х — начале 50-х гг. Борис Борисович был заведующим кафедрой гражданского права и заместителем директора по научной работе Свердловского юридического института. Под его руководством блестяще защитились Илья Исидорович Фондаминский (Ответственность за действия других лиц в обязательствах из причинения вреда по советскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1948), Октябрь Алексеевич Красавчиков (Теория юридических фактов в советском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1950), Сергей Сергеевич Алексеев (Акцептная форма расчетов между социалистическими организациями по советскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1951), Владимир Пантелеймонович Шахматов (Основные проблемы понятия сделки по советскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1951), Мария Яковлевна Кириллова (Исковая давность по советскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1952) и Емельян Дмитриевич Шешенин (Договор подряда на капитальное строительство по советскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1952). Их диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук представлены в фонде; эта часть коллекции символизирует свердловский период жизни Б. Б. Черепяхина.

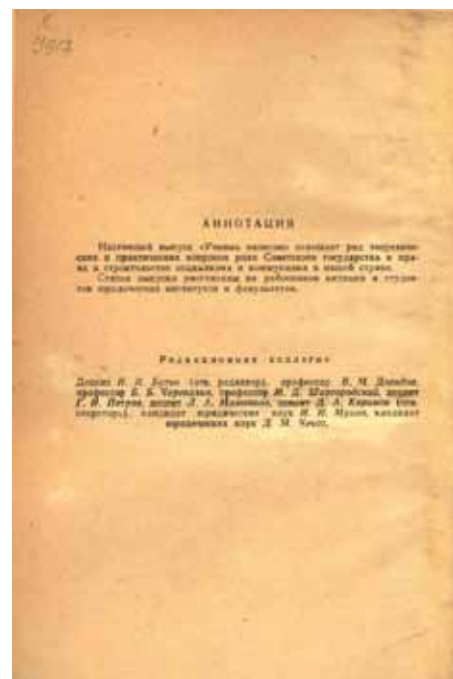
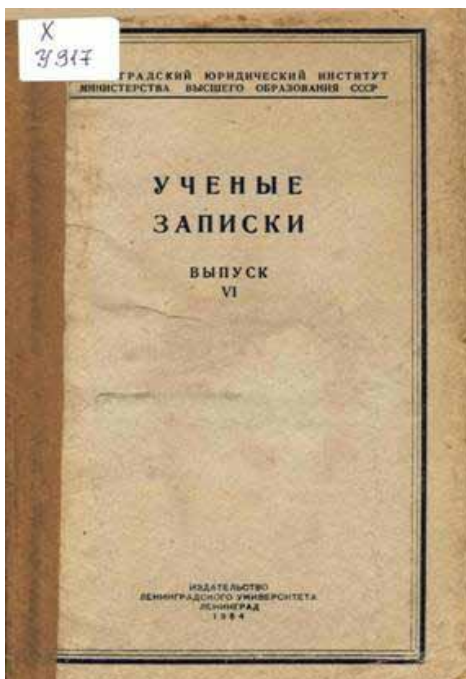
Только подумайте: эти диссертации были созданы не посторонними людьми типографским способом, наши авторы держали в руках бумажные и коленкоровые переплеты своих рукописей. Именно они вчитывались в пожелтевшие ныне страницы, отпечатанные на пишущих машинках под копирку, и вполне возможно, что их рукой эти страницы были пронумерованы. Особенность того времени: на печатных машинках отсутствовали буквы латиницы, поэтому текст на «чужом» алфавите обычно вписывали от руки. Так, библиографические описания книг на немецком и английском языках вручную внесены в список приведенной литературы и список цитированной литературы в диссертациях И. И. Фондаминского и В. П. Шахматова.

Научные труды учеников Б. Б. Черепяхина хранятся в фонде справочно-библиографического отдела Научной библиотеки Университета среди полутора тысяч диссертаций, защищенных в СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ в разное время, и являются гордостью уральской школы цивилистики, у истоков которой и стоял Б. Б. Черепяхин.

В Ленинграде профессор возглавил кафедру гражданского права Ленинградского юридического института им. Калинина. «Ученые записки» этого вуза представлены в фонде научного абонемена тремя выпусками: первым, четвертым и шестым. Б. Б. Черепяхин был членом редакционной коллегии шестого выпуска, вышедшего в 1954 г.

МУЗЕЙ ИСТОРИИ СЮИ – УрГЮА – УрГЮУ

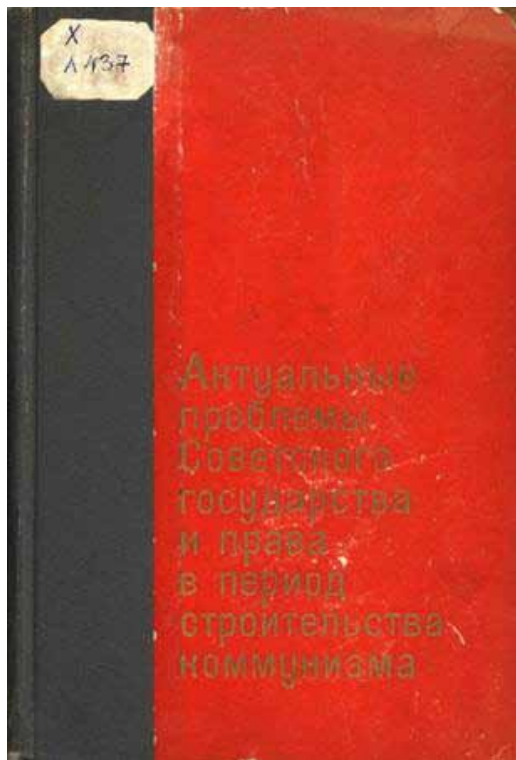
Также к ленинградскому периоду его жизни мы относим еще несколько монографий и сборников из фондов НБ УрГЮУ. Центральное место в творчестве Б. Б. Черепихина принадлежит монографии «Правопреемство по советскому гражданскому праву», вышедшей в 1962 г. и ставшей событием в отечественной цивилистике. В разделе «Гражданское право» фонда научного абонемента имеется шесть экземпляров этого издания, которое до сих пор актуально, и студенты нашего Университета часто к нему обращаются.

В 1962 г. по постановлению редакционно-издательского совета Ленинградского ордена Ленина государственного университета вышел сборник «Проблемы гражданского и административного права», ответственными редакторами которого были Б. Б. Черепихин, О. С. Иоффе и Ю. К. Толстой. В этом же сборнике напечатана статья Б. Б. Черепихина «Учение о правопреемстве в гражданском праве».

В 1967 г. Борис Борисович входил в состав редакционной коллегии сборника «Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма». В 1969 г. под его редакцией вышел сборник статей «Вопросы гражданского права и процесса», подготовленный Ленинградским общественным научно-исследовательским институтом судебной защиты.

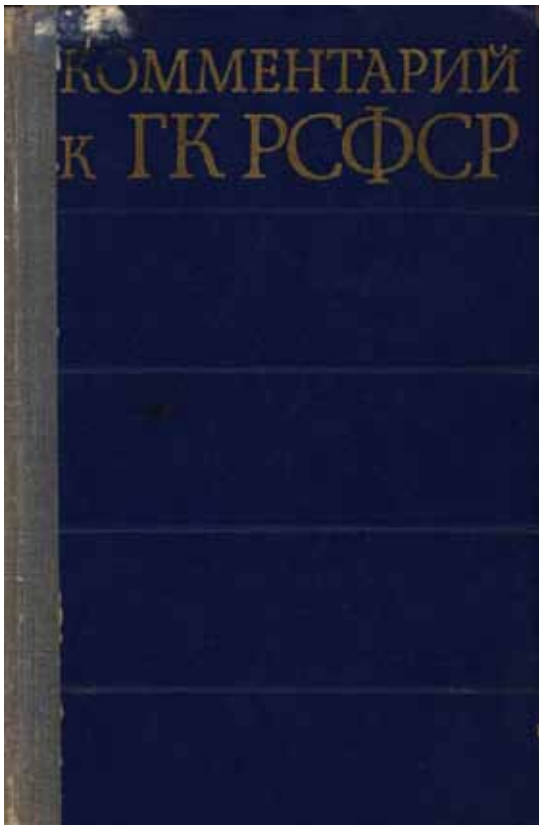
В 1957 г. Б. Б. Черепихин был ответственным редактором монографии В. Т. Смирнова «Гражданская ответственность государственных предприятий за причинение увечья или смерти работникам». В 1969 г. он выступил не только автором, но и ответственным редактором коллективной монографии «Гражданско-правовая охрана интересов личности». Вместе с ним над созданием книги работали О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой, А. А. Собчак и другие ученые.

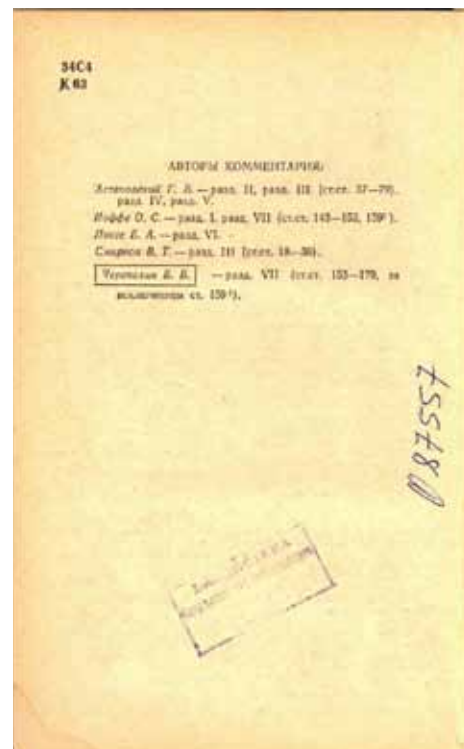
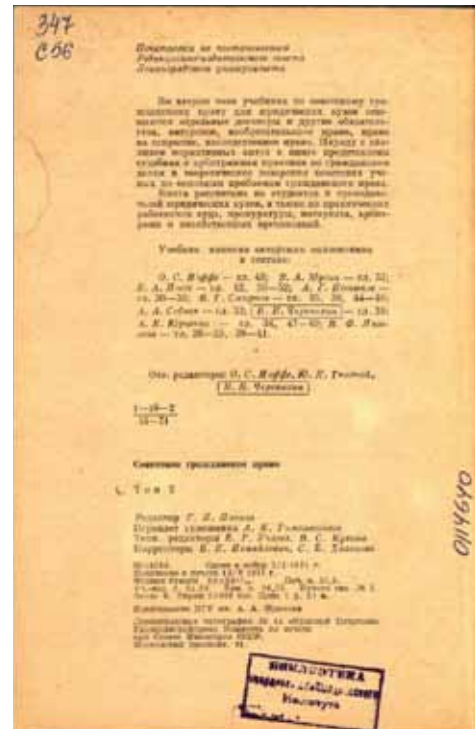

В последние годы жизни В. Б. Черепяхин принимал участие в подготовке к выпуску еще нескольких изданий. Так, «Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР» был подготовлен Всесоюзным научно-исследовательским институтом советского законодательства и выпущен московским издательством «Юридическая литература» в 1970 г. В 1971 г. вышли оба тома учебника «Советское гражданское право» и «Комментарий к Уставу железных дорог СССР». Фамилия ученого в списке авторов этих изданий дана уже в траурной рамке.

МУЗЕЙ ИСТОРИИ СЮИ – УРГЮА – УРГЮУ

Современные переиздания книг Б. Б. Черепахина представлены в фонде научного абонемента двумя сборниками, выпущенными московским издательством «Статут» в 2001 г. Основные работы Б. Б. Черепахина под названием «Труды по гражданскому праву» вышли отдельным томом в издательской серии «Классика российской цивилистики».

СОДЕРЖАНИЕ

Борис Борисович Черепахин.....	5
Дарение во Гражданскому Кодексу Р.С.Ф.С.Р.....	13
Юридическая природа векселя и Положение о векселях 1922 года.....	31
Первоначальные способы приобретения собственности по действующему праву.....	53
К вопросу о частном и публичном праве.....	93
Ответственность грузополучателя по требованиям из договора железнодорожной перевозки.....	121
Приобретение права собственности по давности владения.....	151
Виндикационные иски в советском праве.....	171
Юридическая природа и обоснование приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя.....	225
Спорные вопросы понятия и действия исковой давности.....	281
Возоброждение и возмездное приобретение юридического лица.....	295
Правопределы по советскому гражданскому праву.....	307
Исковая давность в новом советском гражданском законодательстве.....	443
Органы и представители юридического лица.....	467

Сборник «Антология уральской цивилистики. 1925–1989 гг.» содержит работы известных ученых уральской школы и в их числе два исследования Б. Б. Черепахина.

Содержание

Голованов Е.М. Школа цивилистики на Урале.....	4
1. Алексеев С.С. Выражение особенностей предмета советского гражданского права в методе гражданско-правового регулирования. Виды гражданских правоотношений и метод гражданско-правового регулирования.....	7
2. Алексеев С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования.....	34
3. Биннер А.М. Арендная плата. Ноосовладельческое обогащение и ст. 147 ГК.....	69
4. Биннер А.М. На грани уголовной и гражданской неправды.....	77
5. Карпачова М.Е. Начало течения срока исковой давности.....	97
6. Курьянова М.Е. Соответствие сроков исковой давности с другими сроками в советском гражданском праве.....	114
7. Кудряков В.И. Границы юридически-значимого причинения.....	131
8. Кудряков В.И. О согласовании правовых норм, регулирующих хозяйственные отношения.....	147
9. Крыжановский О.А. Организационные гражданско-правовые отношения.....	156
10. Крыжановский О.А. Гражданско-правовой договор: понятие, содержание, функции.....	166
11. Мелуш В.И. Место гражданской правосубъектности в механизме правового регулирования.....	183
12. Мелуш В.И. Моделирование гражданско-правовых немущественных обязательств.....	191
13. Лисков С.А. Техника договорной работы.....	203
14. Лисков С.А. Возможность заключить договор как правовая форма регулирования хозяйственных связей в капиталистических странах.....	228
15. Черепахин Б.Б. Юридическая природа и обоснование приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя.....	242
16. Черепахин Б.Б. Охрана личных прав гражданина, не связанных с имущественными правами.....	290
17. Швакман В.П. Виды несоответствия сделки требованиям нормы права.....	301
18. Швакман В.Д. Классификация гражданско-правовых обязательств по содержанию услуг.....	346
19. Швакман В.Д. Общие проблемы обязательств по оказанию услуг.....	353
20. Яковлев В.Ф. К проблеме гражданско-правового метода регулирования общественных отношений.....	360
21. Яковлев В.Ф. Структура гражданских правоотношений.....	380
22. Яковлев В.С. Институт юридического лица в теории, законодательстве и на практике.....	390
23. Яковлев В.С. Правовое регулирование внутриагентственных отношений.....	414

Фонд НБ УрГЮУ значителен и интересен по составу как одно из крупнейших хранилищ правовой литературы не только в Екатеринбурге, но и на Урале. Представленная в нем коллекция трудов Б. Б. Черпахина вызывает интерес исследователей, несет на себе следы своего времени, позволяет больше узнать об авторе и может стать объектом тщательного научного изучения.

Электронный каталог НБ УрГЮУ дает возможность виртуально «соединить» разрозненные работы Б. Б. Черпахина, помогает восстановить в памяти многие забытые или открыть неизвестные статьи, делает реальной реконструкцию библиотеки трудов ученого. Результатом реконструкции нам видится выпуск библиографического указателя его книг.

Выявление и описание наследия Б. Б. Черпахина, его комплексное изучение – одна из важных задач, которую сегодня успешно решают сотрудники Научной библиотеки УрГЮУ.

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

Главный редактор Издательского дома
Уральского государственного юридического университета
А. Н. Митин

Редакторы *О. Ю. Петрова, К. С. Путушкина,*
Т. А. Шиловских, Н. Н. Рассохина
Дизайн обложки *И. М. Митрофанова*
Компьютерная вёрстка *А. А. Холодилова*

Подписано к использованию 05.03.15.
Уч.-изд. л. 5,98.
Объем 1,11 МВ

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, п. 1 ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит

Издательский дом
Уральского государственного юридического университета.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23.
Тел.: 375-58-31, 374-32-35. E-mail: idom@list.ru